

ПОПАДАНКА
ДЛЯ ГЕНЕРАЛА

АЙРИН ДАР

ЖЕНА ПО ДОГОВОРУ
НАСЛЕДНИК ДЛЯ
ГЕНЕРАЛА

Айрин Дар

**Жена по договору.
Наследник для генерала**

«Литнет»

2025

Дар А.

Жена по договору. Наследник для генерала / А. Дар — «Литнет»,
2025

- Это мальчик, - говорит повитуха.- Уберите всё тут, чтобы ничто не напоминало мне об Аннике Торн. И отправьте её на все четыре стороны, как она желала, - отзывается генерал. - Ты же об этом мечтала, ДОРОГАЯ? Он выгнал меня сразу же после рождения сына, не дав коснуться моего малыша. Враг моей семьи – отец моего ребёнка. Я подчинилась воле матери, заключив договор, чтобы на свет появился тот, кто спасёт империю. Судьба посмеялась, определив мне в истинные грубого дракона, что не знает манер, а лишь научен убивать. Только однажды я уже умерла в другом мире, чтобы возродиться в этом.ИСТОРИЯ ДОЧЕРИ ЭЙЛИН ФАОРИ И СЫНА ИВЭЛЬДЫ ВАЛЬТКнига пишется в рамках литмоба «Попаданка для генерала»;

© Дар А., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Пролог 1	5
Визуал Анники Торн - дочери Эйлин Фаори и Кольфина Торна	8
Пролог 2	9
Визуал Эмариарта Вальта - сына Анники Торн и Мариуса Вальта	11
Глава 1	12
Визуал Мариуса Вальта - сына Ивэльды Тарвейн и Ауриманта Вальта	14
Глава 2	15
Глава 3	17
Глава 4	19
Глава 5	21
Глава 6	23
Глава 7	25
Глава 8	27
Глава 9	29
Глава 10	31
Глава 11	33
Глава 12	35
Глава 13	37
Глава 14	39
Глава 15	41
Глава 16	43
Глава 17	45
Глава 18	47
Глава 19	49
Глава 20	51
Глава 21	54
Глава 22	56
Глава 23	58
Глава 24	61
Глава 25	63
Глава 26	65
Глава 27	67
Глава 28	69
Глава 29. Мариус Вальт	72
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Пролог 1

Воздух густой, душный, пропитанный запахом крови, пота и горьких трав. Боль - рвущая, беспощадная, но та, что дарует миру новую жизнь. Живот каменеет, тело судорожно дергает, и каждая новая схватка переламывала меня пополам, заставляя отчаянно кричать.

- Слишком долго, - шепчет одна из женщин, но я слышу её так, будто нахожусь под толщей воды.

- Ребёнок крупный, - цокает языком другая, качая головой. И каждый здесь понимает, что это значит.

- Держись. Ещё немного. Дыши, - командуют мне, но сил у меня не осталось. Почти сутки я здесь, кровать промокла, простыни смяты, губы искусаны до крови. Мир превратился в боль и долг. Всё остальное исчезло.

- Дыши! - резкий голос вырывает меня из вязкого, мутного оцепенения.

Дышать? Я давлюсь воздухом, который больше похож на горячий пар над кипящей смолой. Грудь режет изнутри, взгляд плывёт, а пальцы судорожно цепляются за деревянный край ложа. И я знаю, как только ребёнок появится на свет, нас тут же разлучат.

- А-а-а, - кричу от боли и отчаянья, ведь всё это время за стеной он – отец моего ребёнка.

Ненавистный Мариус Вальт. Враг моей семьи, который убил моего брата. Мой истинный по пророчеству. И мужчина, которого я должна ненавидеть так же яростно, как он ненавидит меня.

Чувствую генерала даже сквозь камень: как жар от раскалённого металла, как хищную, плотную тень, что рождена меня мучить. Слышу его шаги: тяжёлые, ровные, как удары сердца чудовища. Он не заходит - не имеет права до ритуального момента. Но он близко. Слишком близко.

Кричу от новой схватки, которая скручивает тело в тугую спираль, и кто знает, что причина долгого рождения малыша: боязнь мира принять сына двух врагов, или же мой собственный страх разлуки.

Если бы только рядом была моя мать, всё было бы иначе. Но она не в состоянии покинуть Готтард, хоть и пробовала сделать это. Слишком сильная связь с местом, он не отпускает свою хозяйку. Мариус же наотрез отказался отправлять меня туда, понимая, что тогда его семья не получит ребёнка.

- Больше не могу, - выдох срывается с моих губ, слёзы катятся по вискам.

- Можешь, - говорит старшая повитуха, и я чувствую, как сильные руки перехватывают меня под спину. - Сейчас. Сейчас!

Острая, обжигающая волна раскалывает меня изнутри.

И мир взрывается криком.

Но не моим.

Так кричит мой сын: громко, властно, как если бы новорождённый уже заявлял свои права на этот мир.

- Мальчик! – слышу чужой голос. И, прежде чем успеваю радостно выдохнуть, двери распахиваются, и появляется Мариус.

- Это мальчик, генерал, - тут же отчитывается повитуха, перевязывая пуповину, и Вальт кидает второй женщине кожаный мешок, что держал в левой руке, а во второй у него кубок с драконьим янтарём.

Он опрокидывает жидкость в себя, бросает на меня взгляд презрения, а потом долго смотрит на сына, будто пытается разглядеть в нём что-то. Его глаза блестят не просто радостью, а хищным, торжествующим возбуждением. Как будто он ждал именно этого момента, когда судьба покорно склонит голову перед ним.

- Поздравляем, эрд, - повитуха пеленает малыша, а я пытаюсь сесть, испуганно глядя на происходящее. Невыносимо хочется прижать своё дитя к груди, дать ему материнское тепло и молоко, но я обязана молить о том, что доступно даже пустогласам.

- Ваш наследник крепкий. Настоящий дракон, - тем временем поют дифирамбы Мариусу, не обращая на меня никакого внимания. Я лишь сосуд, теперь уже пустой и ненужный.

Вальт подходит к ребёнку, и его грудь приподнимается тяжело, шумно, будто он сдерживал огонь внутри. Я вижу, как мышцы на челюсти дрожат, и на миг кажется, что он счастлив.

Поворот головы, и его взгляд холодный, безжалостный, слишком близкий. Но он не говорит со мной теперь, лишь приказывает слугам.

- Уберите всё тут, чтобы ничто не напоминало мне об Аннике Торн. И отправьте её на все четыре стороны, как она желала. Ты же об этом мечтала, ДОРОГАЯ?

Смех через силу, хищная усмешка, и кубок падает из его рук, издавая звон серебра, и яркое золото льётся по полу, будто мои слёзы.

Визуал Анники Торн - дочери Эйлин Фаори и Кольфина Торна

Добрая и красивая Анника Торн, младшая дочь Торнов - 23 года, которая должна исполнить пророчества и дать себя на закланье врагу. Все стоят перед выбором, но что скажет мать - Эйлин, когда узнает о её предназначении. И что произошло в детстве, когда Аннике было шесть - нам предстоит узнать.

Пролог 2

Дверь снова распахивается, словно от удара сапога, и в комнату вваливаются две девицы: покрасневшие, хихикающие, с заплетёнными в ленты волосами и до безумия неприличными платьями. И не надо угадывать, что под ними скрыто, интриги почти не осталось. Одна спотыкается о порог, вторая толкает её локтем и прыскает смехом.

За ними входит лучший друг Мариуса: высокий, широкоплечий, в тёмном сюртуке, с золотыми цепями на груди. Лицо резкое, выточенное, с вечной усмешкой, будто он всё время готов рассказать шутку. Чёрные волосы собраны в хвост, а на виске серебрится шрам: память о каком-то бое. У него отсутствует палец на левой руке и чувство такта. Иначе бы он не стоял здесь сейчас.

- Генерал, поздравляю! - говорит громко, протягивая руку Мариусу и хлопая того по плечу. - Наследник! Оказывается, я прибыл вовремя! Ну что, отметим появление маленького эрда в дальних комнатах? - говорит, понижая голос, словно в спальне его может хоть кто-то не услышать.

- Выйдите вон! - рычу со своего места, прикрытая грязной простыней. Я такая же по титулу, как и они. Так кто дал мужчинам право там относиться к жёнам?

Гость изумлённо подкидывает брови, будто впервые за всё время слышит, что я вообще умею говорить. Мариус бросает на меня взгляд: ледяной, колющий, как вьюга.

- Можешь не шептать, Раван, - произносит он спокойно и громко, так чтобы все в комнате услышали. - Наше соглашение расторгнуто. Анника выполнила свой долг и теперь уберётся из моего замка.

Он поворачивается ко мне и цедит сквозь зубы.

— Теперь она для меня никто.

Девицы снова прыскают, словно прозвучало что-то смешное. А мой ребёнок кричит. По-настоящему. С отчаянием того, кто только появился в мире и уже требует защиты.

Моё сердце разрывается: не просто болит, а будто нож проходит сквозь него. Хочу вскрикнуть, сорваться с места, умолять, проклинать, но мои губы лишь дрожат. Но Мариус не увидит, что я сломлена. Ему никогда не увидеть моих слёз.

Рыдаю лишь внутри себя, где нет свидетелей моей слабости.

Повитуха бережно поднимает моего сына, косится в сторону генерала, но подносит ребёнка ко мне, как священный дар, как последнее право матери, намереваясь отдать на кормление.

Я тянусь. Руки дрожат, но я тянусь изо всех сил, словно от этого зависит моя жизнь. Сейчас существует лишь этот крохотный свёрток, этот тёплый комочек, что зовёт меня своим плачем.

Вот ещё миг, и я прижму его к груди. Я успею. Обещаю себе, что успею.

- НЕТ! - громогласный, режущий голос Мариуса обрушивается на меня, как удар.

Вся комната замирает. Раван вскидывает бровь, но молчит, наблюдая.

- Отдайте кормилице, - рычит Мариус. - Живо.

- Но, эрд, - повитуха впервые робко поднимает глаза. - Малышу нужен материнский запах, молоко...

Вторая женщина выхватывает кричащего младенца из чужих рук, прижимает его к себе, будто защищая от меня же, и, низко кланяясь, шепчет.

- Как прикажете, генерал.

Она сбегает стремительно, словно только и делает, что крадёт у матерей их детей.

Руки мои всё ещё вытянуты вперёд: пустые, дрожащие, застывшие в бессмысленном движении. Словно я пытаюсь удержать воздух, выхватить из пустоты собственное сердце, которое сейчас унесут прочь.

Повитуха, что намеревалась помочь, неловко отводит взгляд, пряча сочувствие за тревожной суетой. Я не слышу собственного дыхания, не чувствую тела. Только один звук становится всем миром: крик моего сына, затихающий где-то в глубине коридоров, ставших моей тюрьмой.

Визуал Эмариарта Вальта - сына Анники Торн и Мариуса Вальта

А вот и наш новорожденный, которого разлучили с матерью. Не смогла выбрать из двух, оставляю здесь обоих. По мне они очень милые.

Глава 1

Девятью месяцами ранее.

- Ты не можешь так поступить, - испуганно смотрю на мать, что не снимает траура вот уже три года. – Я лучше умру!

- Однажды ты уже умерла, Анника, - тихий голос у окна, потому что она не желает смотреть мне в глаза. – Не тебе распоряжаться этой жизнью, так решили боги.

- О каких богах ты говоришь, мама? И где они были когда Анхель...

Но я замолкаю, видя, как сжалась она вся, потому что для неё это, словно было вчера.

Последний раз я видела, как мать плакала - на похоронах Анхеля. Она стояла, сжав платок так крепко, что костяшки пальцев побелели, и не могла отвести взгляд от чёрного холма, под которым лежал её сын. Мой брат. Мой близнец. Вторая половина моей души, которую вырвали из меня так стремительно, что я до сих пор ощущаю зияющую дыру на месте связующей нити. И теперь я должна стать женой убийцы своего брата.

Анхель всегда мечтал быть военным. С самого детства он тянулся к мечу, к дисциплине, к битвам, как будто кровь сама звала его вперёд.

- Это от отца, - смеялся он, убирая длинные волосы в хвост. - Настоящий Торн должен уметь сражаться.

Отец молчаливо кивал. Мать умоляла оставить это. Я знала, что остановить его невозможно. Анхель был тем, кто идёт, если решил, даже если дорога ведёт в пропасть.

Когда он попросился в войско, командовал им уже Мариус Вальт - генерал, занявший место своего отца, ушедшего в отставку после ранения.

Внук Фасциха Вальта. Того самого, кто почти полвека назад пытался убить моего отца, пока он делал зачистку в Готтарде.

История крови, боли и предательств тянулась за нашими семьями, как чёрная тень. Но мать верила, что всё это позади. Что прошлое похоронено.

Что мир, пусть хрупкий, всё же наступил.

Она спасла жизнь матери Мариуса, когда та была беременна им, а теперь генерал забрал у нас Анхеля, и боль была невероятно огромной.

После его смерти мать больше не улыбалась. Не то чтобы редко - вовсе.

Словно вместе с моим братом в землю опустили последнюю тёплую искру, которая жила в её сердце. Вся мягкость, вся светлая простота её натуры исчезла, уступив место холодной, выжженной пустоте. Она ходила по дому тихо, как тень, двигалась осторожно, будто любое резкое движение могло потревожить память о сыне.

- Ты должна родить ребёнка от Вальта, - режет она моё сердце острым клинком, отравляет мою душу.

- Мама, пожалуйста, - в моём голосе слёзы. – Он наш враг!

- Будто бы я могла забыть об этом, - горечь разливается по комнате. - Но Готтард не лжёт, ты и сама видела разлом.

- Но ты можешь...

- Нет, Анника, я слишком долго могла, теперь это мне не по силам. Я отдала всё, что имела, в округе не осталось аргиллов, Да и то, что я сделала, когда тебе было шесть, сильно повлияло на мою магию. И, если ты заупрямишься, Акрион исчезнет, этот мир перестанет существовать. Разве ты желаешь этого?

- Нет, - выдыхаю беспомощно. – Мама, но неужели нет иного пути? Что, если Дайрен или Лаорайн создадут с кем-то пару и тогда...

- Твои братья другие. Не забывай, что магия исцеления передаётся лишь по женской линии. Теперь ты представляешь род эф. И, конечно же, причина ещё в том, что ты из другого мира, Анника, - напоминает то, что я все эти годы пыталась забыть. – Впрочем, как и я...

Визуал Мариуса Вальта - сына Ивэльды Тарвейн и Ауриманта Вальта

Красивый и жестокий, ненавидит Торнов, осталось узнать почему...

Тридцатитрёхлетний генерал Акриона, принявший пост от отца, верен долгу, который необходимо выполнить, ведь есть пророчество. Но об этом мы узнаем чуть позже. Что же произошло на самом деле в прошлом, и отчего враждуют семьи - скоро узнаем.

Глава 2

Когда мне было пять – я умерла.

Но не здесь, в другом мире, где не было ни Готтарда, ни фамилии Торн, ни доброй женщины по имени Эйлин, которая заменила мне маму. Первую я помню смутно, может, потому что желаю забыть. Она часто била нас, а потом ушла на несколько дней, оставив с сёстрами одних, и выбраться из квартиры мы не могли. До сих пор осталось в памяти, как безумно хотелось есть, как Ира пыталась приготовить макароны, но баллон взорвался, как боль смешалась со страхом, как рядом лежали сёстры.

А потом я родилась снова. Здесь. И осознать это поначалу просто не могла.

В тот день Анника и Анхель играли в прятки, и брат долго не мог обнаружить сестру. А когда нашёл, она спала. Сперва ему так показалось. Только сколько бы не тряс её за плечо, она не реагировала. И тогда, испугавшись, он побежал домой, чтобы привести помощь. Донести сестру, которая была для него слишком тяжёлая, он не мог.

Эйлин его увидела издалека и сразу поняла: что-то случилось. Но когда она добралась до дочери, было поздно. Её фамилляр – змейка, которую я никогда в жизни не видела, лишь знаю о том, что его звали Ашкой, и он жил в голове мамы, помогая ей подчинять дар целительницы, сказал, что душа Анники уже не здесь. Она перешла черту, а теперь находится в Великом круге, откуда после очищения перейдёт дальше.

Я знаю, как она рыдала, как хотела вернуть своё дитя. Я слышала это сама: и её стелания, пока отец прижимал Эйлин к своей груди, убеждая, что надо просто принять это и жить дальше, и её горький плач, а потом молчаливую скорбь, когда она смотрела на меня.

После боли было много света. Он не был тёплым, как солнце, он был режущим и бесконечно ярким. Пробудь я там долго, воспоминания бы стёрлись, но так произошло, что, придя в круг, Эйлин из всех выбрала именно меня.

Целительница, что прожила двенадцать жизней, что помнит свою прежнюю от начала до конца, что стала для Готтарда и Акриона символом возрождения, тогда пыталась всеми силами вернуть то, что у неё отняли боги.

Смертное тело осталось на камне Готтарда рядом с Анникой, пока Эйлин позволила своей магии полностью оторваться от плотской оболочки и отправиться в Великий круг. Никогда прежде она не делала ничего подобного, но в тот момент мать готова была на всё, чтобы попытаться вернуть любимую дочь.

Она добралась до Светлого Предела, туда, где сходятся потоки душ двенадцати миров, ожидая распределения в Великий Круг. Здесь жизни нанизываются как бусины на верёвку, пока она не закончится. Двенадцать жизней – цикл, за который душа успевает пройти все знания и стать завершённой.

А что потом?

Я не знаю. Не знает и мама, потому что за пределами нет знаний.

Эйлин всегда говорила, что там нет тела. Нет рук, ног, глаз. Только сознание.

- Я была светом, - шептала она, когда однажды решилась рассказать. - Светом и болью. Потому что шла туда не как завершившая путь, а как та, что снова нарушает закон.

Она двигалась между потоками душ, как среди звёзд, которые шептали свои истории. Каждая душа сияла своим цветом, своей песней. Детские, старческие, крепкие, сломанные, новообращённые и забывшие. Миры, к которым они тянулись, были как тени за пеленой.

Времени было слишком мало, шанс ошибиться – невероятно огромен. И она забрала меня. Но не потому что это было её выбором. Она ошиблась, неверно распутав нити. Что-то дёрнуло и потащило с невообразимой силой. Я не успела забыть, океан забвения не успел стереть память до конца, как я открыла глаза совсем в другом месте.

- Анника, - наклонилась надо мной Эйлин, касаясь моего лица. Я снова ощущала тело, и оно невыносимо болело. Только мы были не в комнате, а на поле, и надо мной было яркое голубое небо и незнакомая женщина. Не соседка, не врач, не подруга матери. Для последней она слишком хорошо выглядела.

Касание детской ладони, и, слегка повернувшись, увидела мальчика, который смотрел на меня со смесью страха и облегчения.

- Анника, милая, это ты? – допытывалась Эйлин, и я кивнула, не до конца понимая, чего именно она хочет. Конечно, это я, ну а кто же ещё?

- Как тебя зовут? – спросила, и увидела, как исказилось красивое женское лицо, как она прижала ладони к губам, пытаясь совладать с чувствами. Мальчишка обнял Эйлин за плечи, и она разревелась, пряча на его груди своё лицо. А я не понимала, кто они, и что будет дальше.

Эйлин справилась с чувствами, поднялась на ноги и взяла меня на руки.

- Сколько тебе лет?

- Пять.

- Как тебя зовут?

- Маша.

Она попыталась улыбнуться, но тут же заплакала снова. И с той поры её магия стала другой: сгоревшей наполовину, истончённой. А фамилляр исчез навсегда, потому что за всё приходится платить.

Глава 3

В комнате, где когда-то звенел смех, теперь лишь мы с матерью, и воздух такой, что тяжело дышать.

- Ты говоришь о враге, - тихо произносит она. - А я говорю о долге. Не перед Вальтами. Не передо мной. Перед самым Акрионом.

В её глазах не просто боль, там знание. То самое, о котором она до сих пор молчала.

- Отец бы никогда не согласился, - моя душа плачет, но слёзы лишь внутри, я не из тех, кто показывает слабость. Мама с детства учила быть сильной, я об Эйлин, первая нас почти не замечала. А здесь, среди братьев: самого старшего Дайрена, который был связан с Готтардом больше любого из нас, среднего Лаорайна, что любил звёзды и мечтал узнать о других мирах как можно больше, и самого близкого мне Анхеля я никогда не ощущала себя чужой и ненужной. Эйлин воспитала меня, как свою собственную дочь, окружив заботой, вниманием и материнским теплом. Она пыталась развить мой дар, но он был слишком слабым от рождения. Мне поддавались маленькие царапины или ссадины, головные боли, но кровотечение я остановить не могла магически, лишь травами, да и срастить сломанное ребро было мне не по силам. И фамильяр, который был у мамы долгие годы, со мной не говорил.

- Отец? – грустно вздыхает Эйлин. Он ушёл во сне через несколько дней после Анхеля. – Даже не знаю, как поступил бы он, потому что на протяжении существования Акриона его семья защищала империю ценой собственных жизней. Так чем плоха твоя жертва, если при этом ты останешься жива?

- А как же Анхель? Разве мы должны забыть, что случилось?

- Его не вернуть, милая. И наша обида не может стоить миллиона жизней, которые зависят от вас двоих.

- Почему именно мы? - выдыхаю я. - Почему я и он? Почему не кто-то ещё? Я ненавижу его, мама, всем сердцем ненавижу!

Мать медленно подходит ближе, садится напротив, так, чтобы видеть моё лицо. Теперь ей уже не скрыться в полутьме у окна.

- Потому что в твоих жилах течёт кровь Торнов - великих воинов, ведущих своё происхождение от первых драконов, - говорит она негромко, но каждое слово ложится тяжело. - И кровь Алафэ - древних целителей. Ты - перепутье двух родов. Ты - эфа. Хранительница границы между смертью и жизнью, способная даровать миру великое дитя.

Я сглатываю, пальцы сами сжимаются в кулаки, но продолжаю слушать дальше.

- А в его жилах течёт то, чего не должно было быть ни в одном живом существе, - продолжает она. – Мариус - ребёнок, поглотивший артефакт Вальтов.

- Ребёнок? – фыркаю надменно.

- Каждый из нас был мал.

- Разве может внутри кого-то быть артефакт?

Мать кивает.

- Это исключение, и мне потребовалось множество усилий, чтобы переплести камень и одного из близнецов. Оуэл - ключ силы рода Вальтов. Камень, способный увеличивать любую магию, до предела раздувая её, как огонь кузнечного горна. Его считали утраченным, пока Ауримант Вальт, отец Мариуса, не отыскал его. Но отыскать - не значит овладеть.

Эту историю я слышу впервые. Мама рассказывала нам сказки, переплетённые с вымыслом, и часть из них была правдой о другом мире, только братья не понимали этого, а я молчала. Но то, что я слышу теперь, для меня откровение.

- Орден хранил Оуэл столетиями. Прятал. Они понимали, что если камень вернётся к Вальтам, то чаша весов снова качнется в сторону войны. Поэтому, даже когда Ауримант нашёл его, они не захотели отдавать артефакт.

Она горько усмехается.

- Они пошли на глупость, как все, кто считает себя умнее магии. Решили спрятать камень там, где, по их мнению, никто не догадается искать. Поместили его в одну из девушек ордена - дочь его главы. Тихую, послушную, готовую стать сосудом ради высшего блага.

У меня холодеют ладони.

- Но, - начинаю я, и так просто догадаться. - Камень...

- Начал её убивать, - мать кивает. - Оуэл не был создан для того, чтобы его держала человеческая плоть. Он истязал её изнутри, ломал, выжигал магические каналы. Девушке было едва двадцать. Она была ни в чём не виновата.

Мать на мгновение прикрывает глаза.

- Вот тогда отец Мариуса вспомнил обо мне и прислал своего воина, который обещал всё, что угодно, лишь бы я извлекла артефакт. С момента покушения на Кольфина прошло десять лет, но несмотря на то, что Ауримант обрёл желаемое, мне казалось, что он может хотеть отомстить за отца. И тогда я решила помочь его жене, чтобы закопать топор войны.

Глава 4

Мать смотрит на меня долгим, усталым взглядом.

- Когда я впервые коснулась её груди, - продолжает она, - поняла, что поздно. Если я попытаюсь вытащить камень из её тела, она умрёт. Если оставлю, он убьёт и её, и то, что росло внутри.

- Она была беременна, - шепчу я.

- Да, - отвечает мать. - Беременна близнецами.

Мир на миг перестаёт существовать. Близнецы. Совсем, как мы с Анхелем, значит, у генерала есть брат?

- Магическое поле матерей и детей я видела так же ясно, как ты видишь кровь на снегу, - тихо говорит она. - У неё оно было слабым, изломанным, иссечённым камнем. У одного ребёнка почти отсутствовало. У другого сияло. Глубокое, сильное, словно целый источник.

Я уже знаю, к чему она ведёт. И всё равно это невероятно. Хотя, мне ли говорить, когда мою душу она забрала из Великого круга.

- Я поняла, что единственный способ - не доставать артефакт, - продолжает она. - А перенаправить. Вывести Оуэл в того, кто сможет выдержать. В малыша, что развивался в её чреве, чей запас силы был больше, чем у самой матери, ведь он был драконом.

- Но это, - слова застревают в горле. - Это безумие.

- Да, - соглашается она спокойно. - Но со мной был Ашкой, он всегда говорил, как следует поступить, и я это сделала. Потому что женщина была невиновна. Потому что артефакт уже выбрал её семью. Потому что больше всего на свете я ненавижу, когда страдают невинные.

Она ненадолго замолкает, смотря в сторону, и быстро моргает, чтобы я не видела её слёз. В эту минуту я уверена: она думает об Анхеле, она даже назвала его этим именем, потому что для неё он был ангелом.

- Мамочка, - кладу ладонь на плечо, и она покрывает мою руку своей, продолжая.

- Оуэл вошёл в ребёнка. Его магическое поле оказалось куда сильнее, чем у женщины. И куда сильнее, чем у его близнеца, которому суждено было погибнуть, так и не увидев свет.

Я поджимаю губы.

- Мариус, - выдыхаю.

Мать кивает.

- Мариус - не просто генерал Акриона, присоединивший к империи часть Орвинга, - её голос становится жёстче. - Он - живой сосуд Оуэла. Артефакт Вальтов дышит в нём, усиливает его силу, характер, жестокость, его непреклонность. Он не такой, как другие. И, нравится тебе это или нет, но только ваш сын, рождённый от некогда враждующих сил, сможет стать тем, кто остановит разлом.

Она сжимает мне пальцы, уже не как мать, а как та, кто даёт клятву.

- Готтард растёт трещинами. Акрион стонет. И если вы вдвоём не дадите этому миру ребёнка... он перестанет существовать. Потому, Анника, - заканчивает мать глухим, выжженным голосом, - Мариус Вальт для меня не генерал и не убийца. Он - часть пророчества.

- Но с чего ты взяла?

- В тот день, когда мы предавали земле твоего брата, Готтард зарычал. Он давно не говорил со мной, уснувший под ласковым пледом трав и пшеницы. Но после похорон Анхеля, когда тело опустили под чёрный холм, появился разлом. Чёрная река не иссохла, она затаилась в недрах, но теперь снова напомнила о себе. Она говорила со мной, как некогда, и я слышала слова отчётливо.

«Когда кровь воинов Торн и кровь драконов Вальт сольются в единой плоти, когда дитя, рождённое без любви, но по воле судьбы, сделает первый шаг, разлом сердца Готтарда начнёт

закрываться. Но если этот союз не будет заключён, трещина станет бездной, и Акрион падёт. У Вальтов нет дочерей, а у нас лишь одна ты».

Внутри всё сжимается, я не желаю этого слушать. Я не могу представить, как убийца моего брата прикоснётся ко мне, как я не стану противиться обряду, как... Боги, отчего так жестоко они наказали меня?

Анхель был слишком добрым, слишком достойным, слишком замечательным, чтобы я не горевала. И наша связь, несмотря на то что я не от рождения Торн, крепла год от года. А теперь, когда я привыкла ненавидеть весь род Вальтов, мне предстоит породниться с ними.

- Я молилась вернуть мне жизнь сына, - говорит хриплым голосом мать, - но получила приговор для дочери. Для тебя, моя дорогая Анника, и я надеюсь, ты примешь эту участь, как некогда и я приняла свою.

Глава 5

Подготовка к приезду Вальтов превратила дом в поле боя задолго до того, как на пороге появились драконы.

Дайрен ходит туда-сюда по кабинету, как раненый зверь.

- Ноги их здесь не будет! – рявкает так что стены дрожат. - Я не позволю, чтобы убийца нашего брата перешагнул порог этого дома!

Лаорайн сидит у окна, опершись плечом о каменный откос. Молчит. Его тишина тяжелее крика старшего брата. Он сжимает и разжимает пальцы, будто ищет в себе слова, но и каждый раз отказывался от них. Потом всё же набирает воздух в лёгкие.

- Его оправдал военный совет. Официально Анхель погиб от магической взрывной волны, которую использовали орки.

- И ты в это веришь? – выдыхает Дайрен.

- Прямых доказательств, что он убил нет.

- Его нашли рядом с Анхелем, который был уже мёртв! Какие ещё доказательства тебе нужны?!

Лайоран вздыхает, закрывая глаза ладонями.

- Снова будешь говорить о звёздах? – не унимается Дайрен. - Ты на чьей стороне? Такое чувство, что все сошли с ума в этом доме!

Перевожу взгляд на мать. Она стоит посреди комнаты, опираясь рукой о спинку стула. Траурное платье висит на ней по-прежнему, как вторая кожа. Прошло два месяца с утраты, но кажется, она будет его носить и спустя годы, как дань своим любимым мужчинам.

Тёмные круги под глазами выдают бессонные ночи, но взгляд остаётся ясным.

- Мама, одумайся! – призывает её Дайрен. – Как глава рода я запрещаю тебе.

- Думаете, я не устала быть сильной? - тихо спрашивает она, и в комнате сразу становится тише. Лишь за окном детский смех соседский детей напоминает о том, что мир ещё жив, что кто-то ещё счастлив.

- Но..., - хочет перебить он.

- Думаете, я не скучаю по вашему брату? - продолжает она. – По отцу? Не просыпаюсь по ночам, пытаюсь вспомнить его голос таким, каким он был всегда? Думаете, я не стою иногда над холмом Анхеля и не прошу богов забрать меня вместо него?

Она смотрит на каждого из нас по очереди.

- Но это лишь моя боль, - ударяет себя в грудь ладонью. – Даже сейчас мне кажется, что они не покинули меня, что они ещё живы. Я ощущаю это настолько сильно, что это сводит с ума. И каждый раз, когда забываюсь и желаю позвать кого-то из них, я чувствую, как умираю снова. Будто только что узнала горькую новость. Но мир от этого не остановится, - говорит жёстко. - Разлом не закроется, потому что вы злитесь. Акриону всё равно, кто из нас кричит громче, чья боль невыносимее. Ему нужна сила. И эта сила - в сделке с Вальтами, нравится нам это или нет.

- Значит, ты просто отдашь её? - голос Дайрена срывается. - Отдашь Аннику, как плату богам?

- Я отдаю не её, - мать шагает ближе, - я отдаю свою жизнь, свою веру, свои последние силы. Я иду на это, чтобы дать миру шанс. Чтобы мои дети и мои внуки продолжали жить и любить. И я бы никогда не поступила так, будь другой выбор.

Она переводит дыхание.

- Жизнь идёт дальше, - говорит она мягче. - Она не стоит и не ждёт, пока мы оплачем мёртвых. Сегодня вы ненавидите Вальтов. Завтра, если мы ошибёмся, вам уже будет нечего ненавидеть: не останется ни этого дома, ни Готтарда, ни нас.

Дайрен отворачивается, стискивая челюсть. Лаорайн поднимается медленно, как старик, будто на его плечах вся тяжесть мира. А я просто стою и думаю, что меня уже давно отдали: в тот день, когда моя мать спустилась к разлому и услышала пророчество.

Они прибыли к полудню.

Сначала воздух над долиной потемнел, потом задрожал, словно зона противилась их появлению, и два силуэта прорезали небо: тяжёлые, мощные, с широкими крыльями. Драконы шли низко, так, что их тени скользнули по крышам, по двору, по камням Гоствуда вдалеке, а я внутренне сжалась у окна, рядом с которым провела не один час, пытаясь подавить внутреннюю дрожь.

Один дракон темнее - почти чёрный, с серебристыми прожилками по крыльям. Другой - стальной, с тёплым янтарным отблеском на чешуе. Он несёт женщину-всадницу.

Когда они опускаются перед домом, складывая крылья, Дайрен и мать выходят на крыльцо. Я стою за их спинами, теребя подол платья, и в какое-то мгновение ощущаю чью-то руку. Лаорайн переплетает наши пальцы и едва улыбается, говоря взглядом, что ему меня жаль, но он на стороне Эйлин.

Очертания драконов дрожат, плывут, и через мгновение на земле стоят двое мужчин и женщина.

Один - высокий, широкоплечий, с седыми прядями в тёмных длинных волосах, с тяжёлым взглядом человека, который слишком давно принимает решения за множество жизней. Ауримант Вальт.

Второй – знакомый по описаниям и сплетням. Мариус. Лицо резкое, словно выточенное из камня. Волосы короче, чем я ожидала, такие же тёмные, как у отца. На виске - тонкий белый след старого шрама. Одет в генеральскую походную форму.

И между ними - женщина.

Не дракон. Она из людей. Светлые волосы собраны в гладкий узел. На ней длинное тёмное платье, а на шее - тонкая нить из янтаря. Лицо мягкое, усталое, с той печалью, которую дают болезни и долгие восстановления.

И я знаю, кто это. Это женщина, чью жизнь спасла Эйлин. Перед нами мать Мариуса.

Глава 6

Мать приветствует гостей и приглашает в дом, а я сильнее сжимаю ладонь Лаорайна, стараясь не пялиться на того, кто предназначен мне в мужа.

Ждём, пока троица пройдёт мимо и замыкаем шествие, размещаясь в гостиной, где уже подготовлен сервиз для распития чая, а я не могу оторвать взгляда от любимой чашки моего брата, которая по злему року оказывается рядом с Мариусом. И пусть для остальных они одинаковые, но я точно знаю, что треугольник здесь темнее, чем на остальной посуде, как знал это и Анхель, каждый раз разыскивая именно эту чашку.

Тяжёлые портьеры распахнуты, впуская свет, два дивана друг напротив друга и кресло, где любил сидеть отец, а теперь разместился Дайрен, считая его своим местом по праву. Теперь он - глава рода, человек, что станет защищать нас. Только по мне, лучше бы он обзавёлся семьёй, потому что ему уже давно пора, сорок три, как-никак.

Садимся так, что я оказываюсь посередине, слева мать, справа Лаорайн. Не покидает чувство, что я – товар, который сейчас оценивают три пары глаз, но в отличие от мужчин, мать Мариуса мне зачем-то улыбается. Будь мы в другой обстановке, восприняла бы её улыбку как доброжелательную, но сейчас я не верю никому.

- Много времени у нас нет, - начинает Ауримант, - так что сразу перейдём к делу.

- Отлично, - не выдерживает Дайрен. – Тогда расскажите нам, за что ваш сын убил нашего брата?

- Он не убивал, - ласковый женский голос, и рука Ивэлды касается сыновьего плеча. – Было расследование...

- Знаем, как велось это расследование, - не соглашается брат.

- Мы не будем касаться прошлого, - холодно замечает Эйлин, смотря на Дайрена. - Оно уже заплачено кровью.

- Нашей кровью, мама, ты хотела сказать!

- Прошлое всё равно здесь, - отзывается Ауримант, поднимая чашку. - Но я согласен. Сейчас важнее будущее.

Он не обеляет сына, как молчит и сам генерал, словно его это совершенно не трогает. Его взгляд скользит по комнате, но больше скучающий, чем интересующийся, а я пытаюсь угадать, смотря на него, что за чудовище скрывается под красивой маской, потому что, как бы я не желала видеть лишь плохое касательно его, внешность у генерала привлекательная.

- Мы заключим договор сроком на год, по которому Мариус берёт в жёны вашу дочь, продолжает Ауримант.

Год? Сердце тревожно бьётся в груди. Это не так уж и много по сравнению с целой жизнью. Но не так уж и мало, когда стану считать каждую минуту. Но что будет со мной через год? Не вдова, а разведённая женщина?

Конечно, подобные случаи встречались в Акрионе, взять хотя бы мою мать, которая была до встречи с моим отцом замужем за негодяем. Но там совсем другая история, и она смогла найти мужчину, который был предан ей до последнего вздоха. Я же должна исполнить роль временной жены до момента рождения сына. А если первой будет девочка?

- Я бы хотела, чтобы моя дочь осталась здесь, - торгуется Эйлин.

- Исключено, - Ауримант откидывается на диване, забрасывая одну ногу на другую. – Больше мы вам детей не доверим, - режет воздух словами, а Ивэлда накрывает его руку своей, останавливая.

- Детей? – не понимает мать, хмурия брови.

- Да она вашему сыну жизнь спасла, - не сдерживаюсь, подсакивая с места, но мать тут же усаживает меня обратно.

- И мы очень благодарны ей, - в словах Ивэльды звучит искренность, а вот Ауримант отчего-то кривится, будто она лжёт.

- Это не обсуждает! Девчонка поедет с нами и точка!

- Анника, - говорит ледяным тоном моя мать. – Её зовут Анника, и я требую уважения к моей дочери, иначе о договоре не может быть и речи!

- Конечно, Эйлин, мы позаботимся о ней, как о собственной дочери, - старается Ивэльда развести грозовые тучи, что собрались над нашими головами.

- Позаботится она, - Ауримант выдёргивает ладонь из её кисти, складывая руки на груди. Он зол, и я не понимаю истинной причины. Лишь то, что он ещё хуже своего сына, который упорно молчит, изредка стреляя в меня глазами, отчего мои щёки вспыхивают румянцем.

- Мы поселим молодых в Варругене, там и развлечения, и светская жизнь. Кто знает, может между ними зародятся настоящие чувства и...

- Нет, - перебиваем мы с Мариусом её одновременно в унисон. Одно слово – два голоса. Значит всё же не немой, и, как и я, не в восторге от происходящего. Хотя бы что-то общее.

- В любом случае, Анника не будет ни в чём нуждаться, - продолжает расписывать моё радужное будущее Ивэльда. – Штат прислуги полный, она вправе распоряжаться кухаркой, завести знакомства, если пожелает, читать книги, посещать театр. В доме очень хорошая библиотека, дорогая, тебе это интересно? – пытается затянуть меня в диалог.

- Возможно, - отвечаю расплывчато, и Мариус хватается за тонкое кольцо ручки кружки, притягивая её к своим губам, а у меня перед глазами стоит брат. И одно единственное слово – ненавижу.

Дальше говорим о разломе, о Готтарде, о том, что видела мать, и о том, что чувствовал Мариус на границе Орвинга, когда земля дрожала под его войском.

Ива иногда касается запястья мужа, будто удерживая его от ненужных фраз. Её взгляд пару раз скользит по мне: мягкий, внимательный, поддерживающий, словно она точно знает, каково это быть в подобной ситуации. А я всё не могу разгадать причину ненависти Вальтов к моей семье.

- Я бы хотел посмотреть на разлом, - первым с места поднимается Ауримант.

- Он как раз рядом с могилой моего брата, - вслед за ним встаёт Дайрен. – Я провожу, - указывает на дверь, и на лице Мариуса ходят желваки. Вижу, как напряжена линия его плеч, как ниточкой бьётся пульс на шее.

Первым выходит отец Мариуса, затем его мать, и последним - генерал.

Эйлин не делает замечаний сыну, не показывает никаких чувств, лишь платье шуршит, когда она следует за остальными.

- Анника, - зовёт меня, и я покорно подчиняюсь. Скоро мне предстоит делить с Мариусом дом, ложе, жизнь. И я должна привыкнуть к этой мысли.

Глава 7

Мы выходим на улицу, и становится легче дышать. Для многих Готтард так и остался страшным местом, где живут чудовища. Для меня это дом, который невыносимо не хочется покидать. Кажется, все несчастья мира в один момент навалились на мою семью, но во мне текла кровь Торнов и Алафэ, а потому я обязана принести эту жертву.

Ауримант первым избавляется от человеческой оболочки. Это не выглядит красивым волшебством, скорее, как разрывание кожи изнутри. Тело выгибается, кости тянутся, растут, меняют форму. Мгновение - и там, где стоял мужчина, уже возвышается огромный дракон с тёмными прожилками.

Мать делает то же самое, но её драконья форма легче, изящнее, будто соткана из янтаря и облаков. Мариус оборачивается без звука, без лишних эмоций, словно это просто смена плаща. Судорожное напряжение плеч, вздох - и его человеческий силуэт ломается, растягивается, укрупняется. На камне стоит стальной дракон с чёрным отливом по краям крыльев, а Ивэльда забирается на него.

Приходит черед моих братьев, а я всё собираюсь с духом, как каждый раз, когда это от меня требовалось.

- Просто дай возможность твоему зверю одержать верх, - всегда учил меня отец. Ласково, уверенно, не раздражаясь. Он будто был создан для того, чтобы объяснять кому-то истинную природу вещей. И пусть я сама в скором времени должна стать матерью, мне его бесконечно не хватает.

Глубоко втягиваю воздух. Ненавижу это. Не полёт, полёт я люблю.

Ненавижу сам момент превращения.

Словно меня выворачивают наизнанку. Кости становятся слишком большими для кожи, мышцы тянутся, как раскалённые нити. Магия проходит по позвоночнику, ударяет в череп, в рёбра, в лопатки.

Я падаю на колени, пальцы превращаются в когти, одежда исчезает в сиянии, а затем я уже не человек.

Я - дракон.

Чешуя ложится по телу знакомым рисунком, но внутри всё равно скребёт. Обратничество каждый раз даётся мне с душевной мукой, будто в глубине души кто-то протестует: это не совсем твоё. Как напоминание, что я не отсюда, не до конца.

Но стоит расправить крылья - и всё меняется.

Отталкиваюсь мощным взмахом, воздух свистит в перепонках, и мы поднимаемся. Шесть драконов в небе.

Исполосованное полями и лесами плато кажется игрушечным. Люди - крошечными. Дом - всего лишь пятном. Лечу чуть позади, чтобы не смотреть на Мариуса. Но всё равно чувствую его, как тёмное пламя, как концентрированный жар, который не рассеивается ветром.

С высоты земля прекрасна и ужасна одновременно. Разлом видно задолго до того, как мы снижаемся. Сначала, как темную морщину в ткани мира, тонкую чёрную линию, пересекающую холм. Но чем ближе мы подлетаем, тем сильнее сжимается моё сердце.

Он вырос. Сильно расползся с начала своего появления, и совсем скоро доберётся до могил.

Мы снижаемся, описывая круг и, коснувшись земли, снова обретаем человеческий облик. Генерал первым оказывается на краю, и я буравлю взглядом его спину, пока в голове мечутся мысли: что если толкнуть его туда? Может, достаточно будет всемогущего дракона с артефактом внутри и не понадобится наш уговор? Может Готтард желает забрать кровь врага?

Но тут же меня ужасают собственные мысли, потому что я размышляла над ними, как над возможными.

Холодный ветер тянет из провала дыханием глубин. Даже трава вокруг разлома выжжена: какая-то обугленная, жухлая, серая. Камни по краям покрыты тонкими чёрными жилами, которые пульсируют, словно сосуды.

Я подхожу ближе последней, настолько, что носки туфель идут вровень с разломом. Рядом выстроились остальные, молчаливо вглядываясь в глубину, которая не даёт ответов.

Дна не видно. Только густая, вязкая темнота, в которой вспыхивают красноватые отблески, как угли в огромной печи. Запах как от мокрой земли, крови и старого железа. И ещё что-то знакомое. Вкус магии Готтарда.

- Он углубился, - хмурится мать, и на лбу её пролегает глубокая морщина. Ветер треплет подол её платья. – Разница всего в пару месяцев.

- Трещина пошла вниз, - сухо констатирует Ауримант, глядя туда же. — И в стороны.

- Жутко, - Ивэльда обнимает себя за плечи. - Будто под нами горит ещё один мир.

- Это не жар, - впервые говорит Мариус, голос низкий, хрипловатый. - Это вызов.

Он стоит, заложив руки за спину, и смотрит в пропасть так, как смотрел бы на врага на поле боя. Спокойно, холодно, оценивающе.

- Вызов кому? - не выдерживает Дайрен, шагнув ближе. - Нам? Вам? Нашим богам? Вашим?

- У нас одни боги, - прерывает его Ивэльда. – И одна цель.

- Громко сказано, - не унимается он.

- Разлом не различает, чья кровь льётся сверху, - парирует Мариус. - Он хочет лишь большего.

Ветер усиливается, из глубины поднимается низкий гул, едва слышный, но от него дрожат кости. Как будто там внизу кто-то дышит.

Меня пробирает до мурашек. Я сжимаю пальцы в кулак так сильно, что ногти впиваются в ладонь.

- Союз будет заключён. Ребёнок будет рождён. Разлом будет закрыт, - звучит голос Ауриманта.

Каждое слово, как удар печати.

- Только дело, - глухо отзывается Мариус. - Без иллюзий. Без красивых слов. Мы все знаем, что это не брак, а договор. Так и должно быть.

Он говорит это ровно. Без чувства. Без взгляда в мою сторону.

И от этого становится только хуже.

Глава 8

Генерал и его семейство, наконец, покидают нас. Через несколько минут в небе снова кружат силуэты, а затем и они исчезают, превратившись в далёкие точки. И мне становится немного спокойнее.

Мы остаёмся вчетвером на краю разлома, потому что назрела новая проблема.

- Не нравится мне всё это, - выдыхает Дайрен, нарушая молчание. - Ни эти Вальты, ни их договор, ни их взгляды, ни то, как этот разлом будто оживает, когда они рядом.

- Разлому всё равно, кто рядом, - отвечает мать, но голос у неё усталый. - Он реагирует на силу, а у Вальтов её много.

- Слишком много, - бурчит брат. - Но и у нас, мама, её много.

- Именно поэтому и должны слиться две крови.

Лаорайн всё это время молчит, глядя в сторону, туда, где за холмами уходит дорога.

- Мне пора возвращаться.

Поворачиваю к нему голову.

- Уже? - сжимается сердце. - Ты только прилетел.

- Именно затем, чтобы поддержать, - напоминает он мягко. - У меня семья, Анни. Жена. Двое детей. Они ждут. Они тоже нуждаются во мне.

Перед глазами всплывает светлая, смеющаяся Амелия, в отличие от меня её замужество настоящее, как и чувства. Я знаю, насколько они преданны друг другу. И мои племянники: девочка с косичками и мальчишка, который носится по дому с деревянным мечом, желая стать, как дедушка. Они живут далеко, в пятистах лигах отсюда, в тёплом городе с рынком, где пахнет специями и рыбой, а не влажной землёй и умирающей магией.

- Магазин простаивает, - продолжает Лаорайн. - Рабочие инструменты не продадут себя сами. Людям нужны молоты, гвозди, лопаты, новые лезвия, - он чуть улыбается. - Не у всех есть роскошь иметь дело с артефактами и разломами.

- Ты забросил звёзды? - фыркает Дайрен.

- Не забросил, - спокойно отвечает Лайо. - Они всё ещё там. И я всё ещё иногда смотрю на них. Дети любят, когда я рассказываю им о созвездиях.

Он замолкает, переводит взгляд на разлом, и улыбка тает.

- Если это будет ползти дальше, - кивает мать на чёрную пасть. - Нам придётся переносить могилы.

- Как? - испуганно ахаю, представляя этот ужас. - Мы потревожим их покой?

- Другого выхода нет. Лучше так, чем однажды прийти сюда и понять, что нет даже места, где я могу оплакать свою семью.

Основное кладбище далеко отсюда, за рекой, за лесом, окружённое низкой кованной оградой. Там лежат люди из деревни. Но для Анхеля выбрали это место - на холме, потому что он любил сидеть здесь. Смотреть вниз, на поля, считать ворон и облака. Говорить, что отсюда самые лучшие рассветы.

Теперь его холм стал соседом бездны.

Возвращаемся к ужину, и за столом молчим, каждый смотря в свою тарелку. Лаорайн не остаётся, прощается и отбывает к семье, а нас пока ещё трое, хотя недавно было больше. И совсем скоро я тоже покину этот дом, но прежде следует соблюсти традиции.

К подготовке ритуала приступаем на следующий день.

Свадьбы, как их делают в Акрионе, конечно, не будет. Никаких многодневных гуляний, песен, венков, танцев во дворе, шепчущихся подружек и счастливых гостей. Ни белого платья, ни слёз радости, ни танца в небесах.

Вальты сначала настаивали на Облачных утёсах: там, где на самом краю небес висит древний храм, самый главный в Акрионе. Там клялись драконы и люди, там же, по словам Ауриманта, их род заключал самые важные союзы.

Но мать не могла покинуть Готтард. Это была её плата за связь с зоной, и она не выбирала подобную участь. Несколько раз Эйлин пыталась уехать, но каждый раз возвращалась, чувствуя, как силы покидают её. И как только ступала на землю вновь – всё становилось на свои места. Поэтому пришлось готовить всё здесь.

Когда-то давно отец вместе с мужчинами из ближайшей деревни построил небольшую церковь недалеко от того места, где сейчас покоится. Конечно, она не могла спорить с древним храмом Облачных утёсов. Всего лишь крепкий дом из привезённых издалека деревьев, с резными балками и полукруглыми окнами.

Но мне он всегда нравился. Я любила бывать там. Уйти от всех, сидеть в тишине, смотря на знаки Праматери, и думать о том, как был устроен мир задолго до нашего появления. Может, всё дело в том, что она напоминала мне другую, из прошлой жизни. Та была рядом с домом, и старый священник угощал меня конфетами каждый раз, когда видел. Он крестил меня, говоря, что бог меня любит, что всё будет хорошо, и просил родителей покаяться. А я не понимала, что это значит, и быстро съедала сладость, чтобы ни с кем не делиться.

В церкви отца мне нравилось слушать, как скрипит дерево, как гудит в трубе ветер, как будто кто-то старый и мудрый отвечает мне шёпотом.

Теперь это место станет моим приговором.

Отец задумал его как убежище. Место силы. Место, где можно спрятать кого-то, кто дорог. А выйдет так, что именно там меня свяжут договором с убийцей моего брата. Там будут произнесены слова брачного договора и закреплены печатями. Там я буду завещана на год.

В доме перестилали постели. Меняли занавески. Проветривали комнаты, хотя здесь и так всегда пахло чистотой и травами. А мне казалось, что меня готовят на заклятие.

Мать плела амулет, заговаривала его на разную магию, надеясь хоть как-то защитить меня на расстоянии. А я ходила по комнатам, которые когда-то любила, и думала только об одном: как смогу позволить своему врагу коснуться себя.

Глава 9

Ритуал назначили на утро, и я не спала всю ночь. Слушала, как дом дышит: скрипят балки, шепчет дерево, где-то скребётся мышь. Старалась представить, что всё это не со мной, что я просто гостья в чужой истории. Но стоило закрыть веки, и вспоминались стальные глаза Мариуса, тело Анхеля и растущая пасть разлома.

Утро выдалось холодным. Небо - бледное, почти белое, без облаков. Как чистый лист, на котором сейчас напишут мой приговор.

Надеваю серое платье, чтобы подчеркнуть, что для меня это не праздник. С радостью бы облачилась в траурное, но мать не позволила. На этом ничего нарядного, никакого шёлка, жемчуга или кружев. Волосы заплетены в тугую косу, без лент. На шее висит амулет, который сплела мать: на нём выжжены знаки Праматери и тонкие линии, сплетающие символы исцеления и защиты.

- Он не сможет удержать всё, - честно говорит, завязывая шнурок. - Но хоть что-то сгладит.

Её улыбка до боли грустная и ласковая, и я прижимаюсь к любимой груди, обхватывая маму руками, как было в детстве, когда мне хотелось её ласки. Поначалу, когда попала сюда, только и делала, что жалась к Эйлин, потому что заботы мне всегда не хватало, а здесь её было с лихвой. Она никогда не прогоняла меня, не отталкивала, могла часами сидеть и гладить по голове и спине, рассказывая о настоящей Аннике. Она не забыла свою дочь, но ни разу в жизни не говорила, что жалеет о том, что я осталась на её месте.

- А теперь идём, моя девочка, - поцелуй в лоб, и она отстраняется, слегка мне кивая. В её взгляде читается одно: ты сможешь быть такой сильной, какой пожелаешь.

Церковь отца встречает нас холодом и полумраком, несмотря на то что Дайрен прибыл сюда вместе с храмовником раньше на полчаса. А может быть причина крылась в другом: Вальты тоже были здесь.

Внутри горят лишь несколько свечей, запах воска и трав вплетается в древесный аромат стен.

На длинном столе, который обычно служил алтарём, теперь лежит свиток договора. Рядом ручки, печати и сургуч, ритуальный нож.

Ауримант стоит у стола, как у военной карты. Мариус - чуть сбоку, прямой, как меч, в тёмной форме без излишеств. Ивэльда - рядом, в простом, но изящном платье, с застывшей улыбкой, которая словно извиняется за всё, что было и будет.

Эйлин разместилась напротив Вальтов. Взгляд уверенный и серьёзный, только там отражается не бунт, а принятый приговор.

Встаю рядом с ней, смотря на храмовника, который оглядывает всех присутствующих. Не хватает Лаорайна, и я так надеялась, что он сможет прилететь. Он всегда был куда ближе Дайрена, с ним можно было поговорить по душам.

- Начнём, - произносит Ауримант. Голос ровный, деловой, словно речь идёт о поставках зерна, а не о судьбах.

Свиток разворачивают. Пергамент шуршит, как сухие листья. На нём чётким, строгим почерком выведены строки:

«Брачный договор между родом Вальтов в лице Мариуса Вальта и родом Торн в лице Анники Торн сроком на один год со дня ритуала брачной ночи...»

Ловлю это «на один год» и чувствую, как внутри что-то скручивается. Год. Двенадцать месяцев. Триста шестьдесят пять дней.

И, возможно, один ребёнок.

- По истечении срока, - продолжает вслух читать храмовник, - если союз даст наследника мужского пола, обе стороны свободны от обязательств, кроме тех, что касаются поддержания мира между родами.

Дайрен фыркает, качая головой, а мать молчаливо слушает служителя. Его голос твёрдый, но я различаю, как он чуть дрожит на слове «свободны».

- В случае отсутствия наследника мужского пола спустя срок, - добавляет далее, - стороны могут продлить договор ещё на один год или расторгнуть по обоюдному согласию.

Могут? Каждый из нас прекрасно понимает, что «обоюдное» здесь - всего лишь красивое слово, и моё мнение вряд ли будет учитываться.

- Условия ясны? - спрашивает храмовник, переводя взгляд сначала на генерала, затем на меня.

- Да, - отвечает Мариус. Я тоже киваю и не могу проглотить комок в горле.

- Тогда подписи, - заключает он.

Сначала подходит мать. Берёт ручку и ставит: Эйлин Алафэ-Торн.

Когда-то - любимая женщина, за которую было кому постоять. Теперь - опора, связка между миром и разломом. Далее Дайрен, как глава рода.

Затем - Ауримант. Его подпись резкая с острыми углами: Ауримант Вальт, глава рода Вальтов. Ивэльда, наоборот, мягко и плавно выводит свои инициалы. И, наконец, мы с Мариусом.

Храмовник протягивает генералу нож, тот быстро делает надрез на большом пальце, впечатывая его в шершавую жёлтую бумагу, а потом протягивает нож мне, остриём в своей ладони, а мне хочется дёрнуть его резко, чтобы причинить ему боль. Но я сдерживаюсь. Аккуратно беру за прохладную рукоять, сделанную из камня, и повторяю за ним, оставляя алый след на свитке рядом со своим именем.

Храмовник берёт маленькую серебряную печать с символом Праматери и прижимает к месту, где соединились наши отпечатки. Пергамент вспыхивает на секунду бледным светом и затем успокаивается.

- Договор заключён, - произносит служитель, сворачивая свиток и заклепывая его сургучом.

Глава 10

Слова звучат как приговор.

Я жду чего-то. Не знаю, чего именно. Укола магии. Шепота богов. Внезапного осознания, что мы соединены, или тяжёлых оков на руках.

Но ничего не происходит. Только лёгкое покалывание в пальце и всё.

- По обычаям, - сухо напоминает слугитель, - жених и невеста должны хотя бы раз коснуться друг друга осознанно. Чтобы Праматерь признала союз, даже если он временный.

Чувствую, как меня бросает в жар.

Коснуться. Поднимаю взгляд на генерала. Мариус стоит рядом, сложив руки в замок. Лицо спокойное, зато на моём неимоверно много эмоций. А у него ни раздражения, ни презрения, ни интереса. Словно он присутствует здесь телом, а разум его совсем в другом месте, на другом поле.

Его плечо совсем близко. Тёмная ткань мундира, аккуратно застёгнутые пуговицы, ремень, меч у бедра. Протягивает руку вперёд и чуть левее в мою сторону.

- Перчатка, - делает замечание храмовник, и Мариус послушно стягивает её с ладони, возвращая руку на место. Вкладываю в его ладонь свою, ощущая, как меня пронзают тысячи импульсов от этой близости. Но чувство, будто я коснулась не живого человека, а статуи.

На свадебном ритуале обязательно запястья молодожёнов перетягивают брачной лентой, и так они ходят какое-то время, не размыкая рук. Но у нас всё иначе.

Ничего не происходит. Никакого волшебства. Никакой вспышки. Может, Эйлин заблуждается в своём предположении касательно нас?

- Достаточно, - спокойно говорит Мариус, и я тут же отдёргиваю руку, словно обожглась.

В его голосе ни тепла, ни ненависти. Просто факт. Никто не требует поцелуя, и я благодарна этому. Никаких слов вроде «муж» или «жена».

Только «стороны», «договор», «срок», «обязательства».

И всё.

Ритуал заканчивается, Ауримант забирает свиток, прячет его в кожаный тубус. Мать гасит лишние свечи. Ивэльда что-то шепчет Праматери, её губы двигаются, но слов не слышно.

Я стою в центре комнаты и вдруг понимаю, что всё - свершилось. И теперь я больше не вернусь домой, а отправлюсь за своим ненавистным мужем.

Я - жена Мариуса Вальта на год. По договору.

Он поворачивается ко мне, и наши взгляды на миг встречаются. Ищу в его лице хоть что-то: сожаление, раздражение, презрение, злорадство, облегчение.

Но там - ничего.

Гладкая, спокойная поверхность. Море, на котором штормят только где-то на такой глубине, куда никого не пускают.

- Добро пожаловать в семью, Анника, - Ивэльда распахивает объятия, прижимая меня к себе. Поглаживает по спине, то ли утешая, то ли подбадривая, а я не знаю, могу ли верить этой женщине.

- Мы ждём на улице, - говорит генерал, и семья покидает церковь.

- Иди сюда, - приходит черёд матери обнимать меня. – Что бы ни случилось – знай: ты моя дочь, моя Анника. И Готтард принадлежит тебе, как любому другому Торну. Потому двери нашего дома всегда открыты для тебя. И если будет настолько тяжело, что захочешь вернуться – я поддержу.

Она целует меня в лоб, как в детстве, когда снились страшные сны.

- Ты сильнее, чем думаешь, - шепчет. – Надеюсь, этот мир заслуживает того, что ты намерена для него сделать.

Дайрен просит сразу же написать ему, как я устроюсь, и посылать письма не реже раза в неделю, чтобы он знал, что со мной всё в порядке.

Снаружи воздух режет лёгкие прохладой. Небо уже светлее, но солнце только собирается подняться.

- Выдвигаемся немедленно, - коротко бросает Ауримант, словно рядом не его семья, а солдаты.

- Анника, если хочешь, Мариус довезёт тебя, - обращается ко мне мать генерала.

- Она же дракон, Ивэльда, - хмурит брови Ауримант.

Молчаливый вопрос во взгляде генерала и чуть приподнятые брови, но моя гордость задета.

- Спасибо, справлюсь сама.

Только на такие долгие расстояния я никогда не летала.

Они проделывают всё быстро, как и до этого, поднимаясь в воздух. Я касаюсь амулета на шее, словно он может помочь, делаю короткий вдох. Магия поднимается, как тугая волна, и я снова ломаюсь, вытягиваюсь, цепляюсь за драконью форму. Кости хрустят, кожа горит, мир переворачивается, и вот вместо меня - бронзовый дракон.

Сегодня я не чувствую в этом ни свободы, ни красоты. Только оторванность, как будто меня насильно превращают в то, кем я не хочу быть.

Мы взмываем в воздух. Готтард тянется под нами длинной, сложной шрамированной полосой: поля, болота, леса, старые рощи, редкие проблески деревень. Всему этому сорок три года, совсем как Дайрену, потому что именно тогда зона стала пробуждаться.

Ветер бьёт в крылья. Держусь на уровне с остальными и какое-то время лечу спокойно. Позади остаётся дом и крепость Гоствуд, в которой мать чуть не убили давным-давно. Впереди ещё не видна граница, а мои крылья уже наливаются свинцом, мышцы пекут, дыхание сбивается.

Готтард бесконечен. Он тянется и тянется, как будто сам не хочет меня отпускать.

В какой-то момент понимаю, что больше не выдерживаю, нещадно отстаю, а генерал то и дело возвращается, чтобы держать меня в поле зрения. Боль в крыльях невыносима, держусь до последнего, не желая показывать слабости, но одной жажды недостаточно. В груди нещадно горит, крылья слабеют, и я, тяжело взмахивая ими, сражаюсь с ветром, когда вижу то, что заставляет моё сердце забиться сильнее.

То появляясь, то исчезая в небе летит дракон. Он мерцает небольшой точкой то тут, то там. Огненный и большой, совсем, как мой отец. Только отчего-то я уверена, что это и есть мой отец – Кольфин Торн.

Глава 11

Земля под лапами твёрдая, реальная. С трудом возвращаю человеческий облик: кожа липнет от пота, волосы выбиваются из косы, сердце бьётся слишком быстро. Я опираюсь на колени и жадно глотаю воздух, будто сейчас задохнусь.

Рядом с хлопком приземляется ещё генерал, но не торопится обращаться. Вглядываюсь в небо, пытаюсь различить отца, но человеческое зрение не идет ни в какое сравнение с драконьим.

Ауримант тоже опускается, и ощущается, что он недоволен происходящим. Наверное, я кажусь им слабой и невероятно странной, к тому же не могу оторвать взгляда от неба.

Мариус всё же становится человеком, чтобы заговорить со мной.

- Что случилось? – спрашивает спокойно.

- Мне нужна передышка, - говорю, пытаюсь выравнять дыхание.

- Как часто ты летаешь?

- Не так часто.

Ивэльда соскальзывает со спины мужа, торопясь ко мне.

- Ты выбилась из сил, - констатирует она, даже не пытаюсь укорять. - Это нормально. Уверена, что ты мало спала, к тому же волнение. Для чего ещё нужны мужья, если не сидеть у них на шее, - подмигивает мне, и я прячу улыбку, слегка отворачиваясь. Она мне нравится. По крайней мере только от Ивэльды не ощущается угроза.

- Мы не пролетели и четвертой части пути, - продолжает, - а потому лучше будет, если ты заберёшься на Мариуса.

- Только давайте поторопимся, у меня ещё дела в Варругене, - поправляет он перчатки.

- У нас нет времени подстраиваться под её темп.

Я могу сколь угодно говорить что-то против, но здравый смысл подсказывает, что лучше подчиниться.

- Мариус, - мягко вмешивается его мать. - Она не в строю, она тебе жена.

- По бумагам, а не личному выбору, - не упускает возможность уколоть меня этим. Только и я не в восторге от происходящего, пусть не обольщается.

Генерал тут же снова призывает вторую ипостась и подставляет мне крыло. Движение точное, холодно-рассчитанное, без намёка на заботу. Просто необходимость.

Смотрю на линию его спины, на мощные мышцы под чешуёй, на жёсткий изгиб шеи. Внутри всё протестует. Но ноги сами делают шаг вперёд. Я перехватываю его крыло, забираюсь наверх, устраиваюсь между шипами, где чешуя менее грубая. Хватаюсь за выступы и чувствую, как под ладонями вибрирует сила. Снова смотрю на небо, но больше никого не вижу. Наверное, мне просто показалось.

Когда Мариус взлетает, это не похоже на плавный подъём.

Это - рывок. В небо, вперёд, прочь.

Мне приходится прижаться к нему ближе, чем хотелось бы. Ветер хлещет по лицу, глаза слезятся, и какое-то время привыкаю к полёту. Когда открываю глаза – Готтард позади, а под нами пастбища со скотом, принадлежащие кому-то другому.

Спустя последующие несколько часов мы летим. Конечно, я бы останавливалась много раз, генерал и Ауримант куда выносливее. Отец тоже мог долго не садиться, но зная, что мне нужен отдых, делал вид, что немного устал. Я поняла это потом, когда мама, улыбаясь, слушала от меня рассказ, что папе требовался отдых.

Всё же я очень по нему скучаю...

Варруген вырастает из земли медленно.

Сначала - тонкая дымка на горизонте. Потом острия башен, сверкающие под солнцем. Ленты дорог, сходящиеся к сердцу империи, низкорослые дома и трехэтажные, перекликающиеся друг с другом, фонтаны, мостовые и несколько дворцов.

Столица Акриона огромна. Даже с высоты это не один город, а несколько, сросшихся воедино. Узкие улочки, широкие площади, кварталы дымящих фабрик, купола храмов, мосты над рекой, которая похожа отсюда на тонкую серебряную жилку.

Я была здесь всего три раза. И каждый раз - с отцом по делу.

Договоры, поставки, редкие травы, встречи с магами. Тогда Варруген казался мне шумным, ярким, слишком быстрым. Но рядом был отец, его рука лежала на моей спине, и ничего не было страшно.

Теперь всё иначе.

Мы снижаемся к одному из высоких районов, где дома стоят далеко друг от друга, а над крышами не висит дым. Здесь чистый воздух, широкие улицы, аккуратные живые изгороди, выстроенные магией.

Особняк Вальтов легко узнать: высокий, строгий, будто построенный из света и тени одновременно. Тёмные стены прорезаны высокими окнами, обрамлёнными резным камнем. Кровля - серая, с небольшими башенками. На воротах - герб: дракон, сжимающий в когтях круглый камень.

Мы приземляемся во внутреннем дворе. Каменная брусчатка, несколько идеально подстриженных кустов, фонтан с замершими в полёте крыльями водяных драконов.

- Добро пожаловать в Варруген, - нейтрально произносит Ауримант. Как только обращается. - Теперь это и твой дом. На ближайший год.

«Дом» звучит издёвкой, как и его тяжёлый взгляд. Мариус делает первый шаг, но тут же останавливается, оборачиваясь ко мне. Смотрит на кого-то позади, и я понимаю, что Ивэльда делает какие-то знаки.

- Позвольте, дорогая, - нехотя произносит, предлагая мне свою руку. И я, принимая правила игры, укладываю на его ладонь свою, и мы направляемся к зданию.

Глава 12

Внутри особняк не менее строг. Высокие потолки, широкие лестницы, стены, украшенные гобеленами и картинами битв. Запах не трав и печи, как у нас, а полированного дерева, камня, воска и чего-то пряного, тяжёлого, как драконий янтарь.

Мы идём по длинному коридору. Пол блестит, каждый шаг отдаётся эхом. Видно, что нас здесь ждали. Служанки и слуги выстраиваются вдоль стен, низко кланяясь, когда мы проходим. Их взгляды - быстрые, любопытные, оценивающие. Не знаю, что именно им про меня известно, но я почти слышу их шёпот, хотя они молчат.

- Тебе покажут твою комнату, - вмешивается Ивэльда.

«Мою», а не нашу», я замечаю это, но ничего не говорю. И сама хотела просить отдельные покои для себя, чтобы лишний раз не встречаться с ненавистным генералом. Всё же мы не должны друг другу нравиться. Но что-то внутри меня бунтует против осознания, что он так же тяготится мной, как и я. Что он вынужден меня терпеть. И трепещет от страха, представляя, что совсем скоро он посетит мою постель.

Мы поднимаемся по широкой лестнице. На втором этаже коридор светлее, здесь больше окон. По пути минуем несколько закрытых дверей.

- Это кабинет Ауриманта, - поясняет Ивэльда. - Там – библиотека, - машет рукой куда-то налево. Тут – гостевые комнаты. Твои родные всегда могут остановиться в доме, если захотят тебя навестить.

Еле заметно киваю. Только отца и Анхеля больше нет, а мать не в силах покинуть Готтард. Остаются братья, и хочется надеяться, что Дайрен и Лаорайн найдут время, чтобы посетить меня.

Останавливаемся у вместительной двери с резной накладкой в виде сплетённых ветвей и драконьих крыльев.

- Здесь твои покои, Анника, - женщина открывает дверь и чуть отступает, давая мне войти первой. Только теперь замечаю, что мы остались одни. Ни Мариуса, ни его отца, ни слуг. Но так даже лучше.

Комната просторная. Совсем не похожа на мою в Готтарде, но красивая. Видно, что кто-то постарался сделать её максимально комфортной для гостей.

- Когда-то и я была здесь против своей воли, - негромко шепчет Ивэльда, и я перевожу на неё изумлённый взгляд. – Нет, от меня не зависело спасение всего мира, лишь только его частицы, связанной с именем Вальтов, - она оглядывается, потому что даже у стен есть уши. – У меня не было выбора, лишь судьба, которую пришлось принять. И, знаешь, я не жалею. Не грусти, Анника, - касается моего лица ладонью. – Всё образуется. Маркус сможет подарить тебе счастье, я очень на это надеюсь. Он хороший и добрый дракон. А из тебя выйдет чудесная жена.

- Надеюсь, вы не забыли, отчего умер мой брат? – отрезвляю наше общение. Мне невыносима сама мысль, что я могу быть счастлива с тем, кто отнял у меня родных.

Она сразу стирает улыбку и качает головой.

- Я не верю в то, что мой сын способен на это.

- Но не можете утверждать, что не он причина, потому что вас просто не было рядом, - во мне вновь закипает злоба. И так каждый раз, когда моя память приводит меня в тот день и час.

- Надеюсь, твоё сердце однажды сможет его простить.

- Никогда, - я слишком категорична. Во мне говорит кровь Торнов и молодость: горячие и неуёмные.

- Ненавидеть проще, чем попытаться понять.

- Я здесь не для того, чтобы кого-то понимать, а потому что моя мать считает, будто это единственный выбор.

- Знаешь, что самое удивительное, - смотрит она на меня бесхитростно. – Ты словно идёшь по моим стопам. Я тоже ненавидела Ауриманта, когда впервые разделила с ним постель.

Что? Не верю своим ушам. Неужели, весь род Вальтов создан для того, чтобы мучить других?

- Единственное, что тебе нужно сейчас знать, что я люблю своего мужа. Не потому, что меня заставили, а потому что так пожелало моё сердце.

Глава 13

Не хочу говорить по душам, потому отворачиваюсь, рассматривая комнату.

Большое окно почти во всю стену, за которым видна часть города и кусочек реки. Светлые тканевые обои, тёмные балки под потолком. Большая кровать с высоким изголовьем, покрытая мягким покрывалом глубокого синего оттенка. У окна - кресло с подлокотниками и маленький столик. У дальней стены - зеркало в полный рост, сундук для вещей, узкий шкаф.

На подоконнике стоит ваза с веточками сухоцветов, кто-то позаботился, чтобы комната не выглядела пустой.

- Твои служанки, - доносится голос Ивэльды, и мне приходится повернуться. Передо мной девушки, обе молодые, в одинаковых тёмных платьях с белыми воротничками. Одна невысокая, с круглым лицом и светлыми глазами, явно нервничает, переминаясь с ноги на ногу. Другая - выше ростом, со смуглой кожей и чёрными волосами, собранными в аккуратный узел. Взгляд внимательный, чуть насмешливый, но не злой.

- Это Лирра, - показывает Ивэльда на светлую. - Это Шан. Они будут помогать тебе: с одеждой, ванной, волосами, вещами. Если что-то нужно - проси их.

Лирра торопливо приседает в реверансе.

- Очень рады служить вам, эрдана, - выпаливает она, и щеки её вспыхивают.

Шан склоняет голову чуть медленнее, взгляд её на миг задерживается на моём лице, на амулете на шее, на одежде, словно она подмечает каждую деталь.

- Будем стараться, чтобы вам здесь было хорошо, - произносит она, едва заметно выделив последнее слово.

Я хмыкаю. Хотя бы честно.

- Когда придут вещи хозяйки? – интересуется Ивэльда, а меня неприятно режет это «хозяйка». Она обо мне?

- Я слышала, что завтра к утру, - отвечает одна из служанок.

- Тогда предложи Аннике что-то из того, что имеется здесь. А потом мы отправимся в столовую, чтобы отметить этот день ужином. Шан, скажи моему мужу и сыну, что мы сейчас подойдём.

- Я бы с радостью, эрдана Ивэльда, но Мариус покинул дом.

Вижу, как мать генерала поджимает губы, и на её лице читается разочарование вперемишку с негодованием, будто они о чём-то договаривались, но Вальт не сдержал обещание.

- Немного отдохни, Анника, я скоро вернусь, - обещает мне, и стук её каблуков с каждой секундой удаляется всё дальше. Одна из служанок остаётся рядом, но я говорю, что мне ничего не нужно.

- Позвольте поздравить вас, эрдана, - говорит она негромко, пытаясь изобразить доброжелательную улыбку. Но улыбка выходит кривой. Не потому что девушка желает мне зла, она пока ещё не знает, как со мной быть, и видно, что боится.

- Спасибо Лирра, - не хочу пускаться в объяснения наших с Мариусом отношений. Но тот факт, что он куда-то сбежал в день собственной свадьбы не может не настораживать. – Я хочу побыть одна.

- Конечно, - кивает, тут же испаряясь. А я выглядываю из комнаты, проверяя, что меня не заперли, и я вольна свободно передвигаться по дому. Внимание привлекает чей-то портрет, оттого направляюсь к нему, когда слышу чей-то шёпот.

- Неужели, Ивэльда думала, что он женится и перестанет навещать Юфину? Невеста-то из себя ничего не представляет: обычная, каких миллион.

- А мне показалась красивой.

- Вот именно, что показалось. Она только на порог, а генерал сразу к своей пташке. Ох, чую плохо это всё закончится, плохо...

Глава 14

Кажется, я услышала достаточно, и не хочу, чтобы меня увидели здесь, а потому неслышно возвращаюсь в комнату, прикрывая за собой дверь, и прислоняюсь к ней спиной.

Внутри гул, тревога, стыд, злость. Всё разом. Да, я понимала, что брак ненастоящий, что это лишь холодный расчёт, договор. Но не думала, что муж уйдёт в день свадьбы, бросит меня в чужом доме, отправившись к своей любовнице.

Начинаю мерить шагами комнату, пытаюсь унять внутреннее волнение. Сейчас я стала ненавидеть его ещё больше, и не только из-за Анхеля. Он унизил меня. Даже не пытался скрыть то, что уходит к другой женщине, оставляя мне насмешки его служанок.

Прикусываю губу, чтобы не разрыдаться. Уходить немедленно. Хоть куда-то, лишь бы не быть здесь. Но едва делаю шаг к двери, как она сама распахивается, и в комнату входит Ивэльда. Лицо напряжённое, губы поджаты.

- Что случилось? – хмурит брови, смотря на меня.

- Вы прекрасно и без меня знаете.

Я грублю единственному человеку, кто здесь ко мне действительно добр. Но мне больно и страшно, к тому же душит обида.

- Понимаю твои чувства, но ты привыкнешь, - пытается подбодрить. - Маркус скоро вернётся. Его срочно вызвали к императору.

- Не лгите мне, - отрезаю, не поднимая взгляда. – Её зовут Юфина.

Ивэльда замирает, будто камнеет. Секунда, и в её глазах мелькает разочарование, потом грусть, но она мгновенно прячет это под вежливой маской.

- Кто тебе сказал? - слишком тихо.

- Это не было для моих ушей, но в доме слишком громкие служанки.

Пауза тянется слишком долго. Наконец она садится напротив, сцепив пальцы, словно решаясь говорить правду.

- Эта девушка появилась в Варругене чуть больше года назад и сразу привлекла всеобщее внимание. Тёмная кожа, не свойственная здесь, странная красота, чарующий взгляд, знает магию нагов, потому что сама нагайна.

- Кто? – не сразу понимаю значения слова.

Меня можно назвать деревенщиной, потому что я выросла в Готтарде. Там не было ни балов, ни светских приёмов, ни театров или представлений. Нашими развлечениями были ярмарки, когда вся деревня высыпала на улицу, шумела, продавала жареные пушуты и мёд. Катание на лошадях и прыжки через ямы, а вечером - костёр. Полёты с братьями и родителями, посиделки у камина за историей и наблюдение за звёздами.

И это было счастьем: простым, тихим и настоящим.

Конечно, я умела читать, и отец каждый раз приносил мне новые книги. Я знала, что существуют другие империи, королевства и страны. И лишь мечтала их посетить. Понимала разницу между солнцерождёнными и пустогласами, осознавала, что в мире много рас, но встречалась только с драконами, людьми и аргиллами.

- Наги - раса людей-змей, - поясняет Ивэльда, и я понимаю, что слышала от отца несколько историй. У них есть человеческая оболочка, как и у драконов, но вторая ипостась – змеиная.

- Она предсказательница, - продолжает Ивэльда. – Я видела её однажды, но мы не говорили. Она открыла небольшую лавку, где занимается своим делом, предсказываем горожанам судьбу. Доподлинно неизвестно, что делал там Мариус, но, кажется, проспорил своим друзьям, а потому отправился к Юфине на аудиенцию. Оттуда он вышел другим, Анника. И я не узнаю

порой собственного сына. Он стал резок со мной, груб, одержим этой женщиной, даже намеревался жениться.

Получается, я ненавижу генерала по одним причинам, а он меня по другим. Потому что я – помеха его счастью. Чудесная у нас семья.

- Что же ему помешало? – спрашиваю, слыша свой голос каким-то далёким.

- Ауримант категорически против такого брака. Он никогда не позволит, будучи жив, состояться этому союзу. И Мариус знает это. Мой муж считает, что у Юфины испорченная кровь, никак не связанная с драконами. К тому же она бесплодна, об этом говорит весь Варруген, история тянется из её детства, когда убили её родных, но девочку оставили в живых без права на род. Она не в силах дать наследника Вальтам, а это очень важно, потому что династия должна продолжаться. И она продолжится благодаря тебе, моя девочка. Я уверена, что Мариус полюбит тебя всем сердцем.

- Но он любит другую, - настаиваю, хотя, далось мне, кто кого любит.

- Он потерял голову с того момента, как переступил порог её дома. Я никогда не была там, но уверена: она что-то сделала с моим сыном. Итог видят все. Говорят, она умеет привязывать. Как именно - неизвестно. Несмотря на то, что я знаю лекарское дело – не увидела ничего явного, а говорить по душам Мариус не любит ни с кем, кроме Ли...

Она хотела произнести чьё-то имя, но тут же прикусывает язык. Это явно не для моих ушей.

- Мы справимся вместе, Анника. Я знаю это.

- Откуда такая уверенность?

- Однажды я вас познакомлю, когда наступит время.

- С кем? – не понимаю.

Она просто молчит и смотрит на меня, а мне становится не по себе от этого взгляда.

Глава 15

Выведать, кто такой Ли не удаётся, как и то женщина это, мужчина или животное. Ивэльда слишком охраняет эту информацию, а чем больше её скрывают, тем сильнее хочется понять, в чём кроется смысл.

Маркус возвращается более чем через час, когда мы с его матерью сидим в гостиной, вливая в себя очередную кружку чая. Она рассказывает мне о Вальтах, о столице и прочих глупостях, а я слушаю вполуха, осознавая, что совсем скоро солнце станет клониться к закату. А это значит, что нам необходимо будет приступить к ритуалу. И это меня пугает.

Я никогда не знала мужчин, что говорить, даже поцелуи были мне неведомы, если не брать в расчёт материнских и братских. Всё дело в том, что в Готтарде не было мужчины, что был способен пленить моё сердце. А теперь будущее и вовсе будет загублено.

Сперва слышатся шаги: ровные, тяжёлые, размеренные. Затем звук дверей, голоса слуг, и только потом дверь гостиной открывается. Генерал входит, будто вернулся не из города, не от женщины, а с военного совета. Лицо каменное, взгляд жёсткий, рука за лацканом. Никакой вины, никакой попытки извиниться. Просто присутствие и лёгкий кивок головы.

- Ты ничего не забыл, милый? – поворачивается к нему Ивэльда, и я не вижу, как она семафорит ему мимикой, лишь догадываюсь, и он тут же расплывается в улыбке, кивая ей.

- Конечно, мама.

Щёлкает пальцами, и слуга вносит шкатулку. Кивок головы генерала, и слуга останавливается передом мной, размещая ларец на уровне моего лица.

- Открой, - призывает меня Ивэльда, подбадривая, и я бросаю взгляд на новоиспечённого мужа.

- Что это? – спрашиваю. – Петля на шею или кандалы?

- Свадебный подарок, - не отводит взгляда.

- Мне казалось, он уже был, - говорю с насмешкой, и бровь генерала поднимается вверх.

– Вы подарили мне чудесный час одиночества после прибытия сюда.

Глаза напротив сужаются, а до ушей доносится звук поставленной на столик чашки. Мгновение, Ивэльда осторожно забирает и мою, освобождая руки.

- Открой, - просит Мариус, добирается до кресла и садится в него, закинув ногу на ногу.

- Строптивая жена тебе попалась, - усмехается Ауримант, входя в комнату. В его руках кубок, из которого он тут же пригубляет напиток. – Умей ценить то, что тебе дают, - добавляет тут же, и я до конца не понимаю, относится эта реплика ко мне или к его сыну.

- Ваша семья очень щедра ко мне, - продолжаю ёрничать.

Ивэльда уводит взгляд, и я вижу, как ей не нравится происходящее. И только из-за этой женщины, что пытается хоть как-то сгладить происходящее, открываю шкатулку.

Внутри украшение, от которого на секунду перехватывает дыхание.

Тонкая, почти невесомая цепочка из серебра цвета рассветного инея, будто прохладного на взгляд. А в центре - подвеска, выполненная в форме слезы. Камень глубокий, тёмно-синий, как полночное небо перед грозой. Но, если поймать отражение света, то внутри вспыхивает тонкая жила золота, похожая на молнию, заточённую в прозрачном стекле.

Обрамление напоминает крылья, изготовленные так тонко, что кажется они вот-вот дрогнут от дыхания.

- Это старинная работа наших ювелиров, - негромко произносит Маркус, но в голосе больше собственнической нотки, чем восхищения. – Я купил её только что для тебя, моя дорогая ЖЕНА.

Хочу ответить: «не стоило тратиться», но прикусываю язык. Можно бесконечно долго участвовать в препирательствах, которые ничем не закончатся. Неужели, это действительно предназначалось для меня?

- Наденешь его, скоро предоставится случай.

- Благодарю, - произношу, хлопая крышкой, и звук звучит выстрелом. – Очень искусная работа.

Подвеска действительно красивая. Кое-что мне дарил отец, у меня были украшения, но это поразило до глубины души своей необычностью, камень будто дышал жизнью.

Стоит нам с генералом только встретиться взглядами, как холод поднимается по горлу. Как будто сама мысль о том, что это мой муж, обжигает изнутри.

Воздух натянут, словно струна, которую вот-вот сорвёт.

Ауримант налегает на янтарь, будто надеясь затуманить память последних событий. Серебряный бокал не остаётся пустым, слуга следит за хозяином, то и дело подливая что-то из красивого пузатого кувшина.

- Кстати, император передаёт вам благосклонность, - произносит Мариус сухо, глядя куда-то в пространство, через моё плечо. - Союз одобрен, он ждёт нас на балу через две недели, очень уж хочет взглянуть на мою супругу.

- Вы были у императора? – спрашиваю немного удивлённо.

- А где я по-вашему был? – приподнимает уголки губ. – У главы империи и в антикварном магазине Хэствудов.

- А теперь к столу, - командует Ивэльда, протягивая мне руку. Она пытается окружить меня заботой и вниманием, но совсем скоро отбудет отсюда, и мы останемся один на один с ненавистным генералом. И тогда...

Сердце заходится от осознания, что будет, к горлу подкатывают тошнота и ком. Я не желаю, не хочу, чтобы этот мерзавец касался меня.

Когда ужин подходит к концу, отправляемся на улицу проводить гостей. Ивэльда крепко прижимает меня к себе, вкладывая что-то в руку.

- Это поможет сразу зачать, если не хочешь, чтобы он посещал тебя снова и снова, - она целует меня в лоб, - но я буду молить Праматерь, чтобы вы смогли открыть друг другу сердца, - а затем переходит к сыну, оставляя ему какой-то наказ. Маркус дёргает головой, словно отматывается от чего-то неприятного, а потом дракон и всадница поднимаются в воздух, оставляя нам самую ненавистную ночь в моей жизни.

Глава 16

Меня провожают в помещение, где уже ждут служанки, потому что всё было решено заранее. Комната тонет в мягком свете магических шаров, отдающих тёплым янтарём. Меня начинают раздевать чужие руки, это так непривычно, потому что в нашем доме нет служанок, которые бы стягивали с тебя платья. Впервые ритуал кажется предательски интимным.

Меня доводят до купели из гладкого мрамора, наполненной горячей водой, над которой густой пар, словно туман.

Служанка опускает в воду маленький стеклянный флакон, и масло расплывается на поверхности тонкой радужной плёнкой. Запах сладкий, тёплый, розовый, с оттенком миндаля. У нас в Готгарде пахло хвоей, камнем и землёй, а здесь всё кажется чужим, дорогим, слишком нежным.

- Это розовое масло. Оно успокаивает, эрдана, - произносит одна из девушек. - Снимает тревогу.

Снимает тревогу. Ей бы знать, что мне не масло нужно, а целое море, чтобы смыть ненависть, которая плещется внутри, не желая утихать. Или сонное зелье, дабы ничего не чувствовать и не помнить.

Опускаюсь в воду, и несколько рук начинают тереть меня небольшими тряпочками, массируя тело и смывая грязь. Потом приходит черёд волос, и я отдаюсь на власть мягким касаниям, что осторожно растирают пену по всей длине, а потом смывают.

Меня промокают мягкими полотенцами, касаются плеч, шеи осторожно, почти почтительно. Видимо Ивэльда приказала быть рядом со мной только самым верным и преданным, а я ощущаю себя вещью, которую готовят к витрине. И от этого хочется кричать.

Служанки подносят небольшой кувшин густого кремового масла – оно тёплое, нагретое заранее. Меня усаживают на низкий стул, и тонкие пальцы начинают растирать масло по коже: плечи, руки, ключицы, грудь, живот, бедра. Движения осторожные, почти ритуальные. Масло пахнет розой сильнее, чем вода, и где-то под этим запахом чувствуются смолы сладкие, терпкие.

Одна из девушек распускает мои волосы, подсушенные полотенцами, и наносит на кончики янтарную эссенцию, отчего пряди становятся тяжелыми, блестящими. Она расчёсывает их длинным деревянным гребнем, и я слышу, как гребень плавно проходит от корней до концов, убаюкивающе, будто шорох дождя по крыше.

- Это масло лавель, - тихо объясняет другая. - Оно защищает волосы от ночной сухости и сохраняет силу.

Как будто мне есть дело до силы волос, когда внутри всё рушится.

Когда тело полностью умаслено, служанки достают ночную одежду: лёгкий сорочный хитон из тончайшего шелка, почти прозрачный, цвета топлёного молока. Ткань будто невесомая, прохладная, скользит по коже. На талии его перехватывает тонкий золотой шнурок, и я чувствую себя невестой на чужом алтаре и женщиной, у которой отняли жизнь ещё до свадьбы.

Поверх сорочки они накидывают мягкий халат - серовато-жемчужный, расшитый лунными нитями, а я запахиваю его сильнее, чем нужно, будто пытаюсь спрятаться от мира, от дома, от самого будущего.

Последний штрих – капли в глаза. Но я тут же останавливаю руку, подобравшуюся к моему лицу с тонкой стеклянной трубочкой, в которой видна серебристая жидкость.

- Что это?

- Эффект сияния, эрдана. Ваши глаза станут неотразимы.

Моя бы воля, я бы вообще не мылась. Последнее, чего мне хочется, - готовиться к брачной ночи с убийцей моего брата. А тут ещё и ухищрения какие-то.

Видя мои сомнения, служанка запрокидывает голову и капает себе в каждый глаз по капле, потом моргает несколько раз и поворачивается. Эффект виден сразу. Глаза стали выразительнее и ярче, это красиво, и первая мысль о том, чтобы подарить такое жене Лаорайна. Но я не желаю стараться для Мариуса, хватит и того, что я будто натёртая специями курица.

- Пожалуйста, - просит служанка, смотря на меня с мольбой. – Это приказ хозяйки, и я не хотела бы еёслушаться.

- Как долго длится эффект?

- Пару часов не более.

- Последствия для глаз?

- Никаких, эрдана. Эссенция безвредна.

- Хорошо, - вздыхаю, позволяя проделать с собой тоже самое.

Я никогда не слышала о подобных ухищрениях, но, следует смотреть правде в глаза: выглядит это довольно привлекательно. Что только не придумают женщины, чтобы казаться краше.

- Эрдана готова, - произносит старшая, покрывая меня тёплой накидкой, на ноги обувают мягкие тапочки. Она приглашает меня следовать за собой. Интересно, Мариус тоже выкатался в масле и залил себя ароматами? Что-то мне подсказывает, что нет.

Двери распахиваются, и я следую за служанками, ведущими меня на казнь, где приговором станет ребёнок. Смогу ли я любить сына, что рождён от ненавистного мужчины?

Иду, оставляя после себя аромат роз, масла и чужих прикосновений, от которых на коже - ощущение липкого чужого внимания. Только их касания куда приятнее, чем того, кто теперь именуется моим мужем.

И в этот момент я понимаю, что ненавижу его ещё сильнее: не только потому, что он ушёл к другой женщине, а потому что сделал меня частью этого бездушного ритуала, словно куклу, которую одевают, моют, украшают, чтобы потом передать мужчине, который не любит и не хочет, но должен.

Оба мы должны подчиниться слову наших родителей и Готтарду, который не говорит лишнего.

Мы останавливаемся у дверей спальни, и служанка толкает массивные двери, приглашая меня внутрь.

Глава 17

Остаюсь одна, не зная, куда себя деть. Вокруг свечи, цветы, запах лаванды и розового масла. Осматриваюсь, когда двери снова открываются, и на пороге возникает Мариус.

Высокий, в тёмной рубашке, без ремня и мундира. Только бледный свет от магического шара падает на чёткие линии его лица. Волосы чуть растрёпаны, будто только из ванной. Выглядит, как герой из легенды, и от этого ненависть крепнет, разъедает дыхание.

Смотрит на меня ровно, бесстрастно. Скользит от лица вниз, будто оценивая, задерживаясь на груди и талии. А я ненавижу его за всё: за свадьбу, за Анхеля, за то, что он заставил меня пройти этот день, а потом ушёл к другой женщине.

Муж. На бумаге.

Враг. На самом деле.

А теперь - мой ночной визитёр.

Он смотрит на меня спокойно, почти лениво, но за этой ленивостью что-то прячется. Не страсть. Не интерес. Скорее внимательность хищника, который оценивает новую угрозу. Или новый долг.

Шёлк липнет к коже, будто упрекая меня, что я сюда пришла. Что я согласилась. Что я теперь часть его ночи.

- Ты рано, - произносит он тихо, проходя дальше.

Голос низкий, ровный, и от этого по спине проходит дрожь раздражения или страха, уже не различаю.

- Я пришла тогда, когда меня привели, - отвечаю холодно, а он возвращается и закрывает дверь на ключ.

Чтобы не сбежала?

- Чтобы не побеспокоили, - отвечает на немой вопрос. А обычно слуги вламываются без стука?

Теперь мы заперты здесь, и я надеюсь, что не на всю ночь.

Он неторопливо подходит к столику, будто оттягивает время, которое нам предстоит быть вместе. На столе - ваза с фруктами и кувшин с драконьим янтарём, тут же два серебряных кубка и графин с водой. Он наливает себе воду, делает глоток, потом ставит стакан, не оборачиваясь.

- Ты что-то будешь? – спрашивает из-за плеча.

- Нет.

- Уверена? Половину бокала, чтобы стало спокойнее.

- Разве мы здесь для того, чтобы есть или пить? – мне кажется, что грубость – единственное, что я могу себе позволить с этим человеком, что я просто не имею права говорить с ним по-доброму, потому что иначе это будет предательством моей семьи.

- Ладно, - не обращает внимание на мой тон, поворачивается, подходя ко мне почти вплотную. – Ты использовала магическое сияние, - приподнимает уголки губ, говоря о моих глазах.

- По просьбе твоей матери, - отвечаю на это.

- Она многое сделала для того, чтобы всё прошло как надо, - соглашается, делая вдох. - Запах роз, - произносит он ровно. - Тебе идёт.

Слова простые. Но от них внутри что-то сжимается, будто меня ткнули в боль. Ему не обязательно быть учтивым, я бы предпочла тишину, лгу себе.

- Меня готовили так тщательно, словно товар на рынке, - норовлю показать характер. Пусть знает, я не безропотная овечка, которая покорила судьбе. Я выполняю долг, но не сломленной девушкой, а дочерью Торнов, которая должна спасти мир.

Его глаза вспыхивают, не огнём, нет. Скорее сталью: полированной, холодной. Он силится подавить ураган, что поднимается внутри, потому что я хожу по краю.

- Никто не смеет так о тебе думать, - отходит от меня, возвращаясь к столу. И на этот раз наливает в кубок не воду. - Мы с тобой на равных, - говорит из-за плеча, отпивая несколько глотков.

На мгновение удивлённо смотрю на него. Не потому, что услышала защиту там, где ожидала презрение. А потому, что он сравнивает нас.

- Если ты думаешь, что я в восторге от решения наших родов, то глубоко ошибаешься, у меня нет никакого желания касаться женщины, что меня ненавидит.

- Куда лучше быть с той, к которой ты уходил сегодня, - не могу сдержаться.

- Ты ревнуешь? – голос слишком ровный, чтобы по нему что-то понять.

- Не обольщайтесь, генерал, нельзя ревновать того, кого ненавидишь! Как только наша сделка завершится, ты можешь открыто встречаться с НЕЙ, а пока я твоя жена, последнее, что мне нужно, когда за спиной судачат о том, что муж ходит на сторону, потому что со мной что-то не так!

- Разве тебе есть дело до других людей? Ты никого не знаешь в городе.

- Но мою фамилию знают все! Встречайся с этой женщиной тайно.

- Не понимаю, о ком ты.

- Конечно, будем делать вид, что её не существует.

- Вряд ли мои родители посвятили тебя в такие подробности, тогда кто?

- Разве это важно?

- Конечно, нужно знать, кто ударит в спину.

Но я молчу. Кто знает, что он сделает с прислугой.

- Тогда начнём сначала, - произносит после паузы, снова разливая янтарь, на сей раз и для меня. – И на этот раз постарайся меня не разозлить.

Глава 18

Мариус стоит у стола, держа в руках два кубка, потом поворачивается ко мне. Шаг - и я слышу, как гулко стучит моё сердце. Ещё шаг - и мне хочется отступить, но я не двигаюсь. Не покажу слабость. Не перед ним.

Он останавливается на расстоянии вытянутой руки и протягивает кубок.

- Ты - кровь дракона, - говорит он низко, так, что вибрация словно отдаётся у меня в груди. - И ты здесь не потому, что я хочу этого. А потому что обе наши семьи оказались загнаны в угол. Мы - заложники. Мы - оружие. Ты - не мой товар, Анника. Ты - моя обязанность.

Слово «обязанность» режет меня, как нож. Гораздо сильнее, чем если бы он назвал меня вещью.

- Значит, я нечто вроде меча? - спрашиваю. - Который положили тебе в руки?

- Нет. Скорее, оковы, - отвечает он с удивительной честностью. - И для меня, и для тебя.

На миг между нами тянется тишина. Густая, тяжелая, наполненная тем, что мы оба не говорим.

- Почему ты его убил? – внезапно для себя произношу, хотя не собиралась. Сколько раз мать просила меня оставить это в прошлом и не терзать душу, потому что ничего уже не изменить. Но именно теперь, когда я напротив убийцы Анхеля, когда мы наедине, у меня вырвалось.

- Ты хочешь поговорить об этом сейчас? – генерал приподнимает бровь, всё ещё стоя с протянутой рукой.

- Почему нет?

- Хотя бы потому, что это сбивает с настроения. Хотя бы потому, что сейчас не время.

- А когда наступит время?

Его желваки сжимаются, глаза становятся ярче. Он силится подавить в себе гнев в который раз, а я понимаю, что делаю всё, чтобы между нами не было этой ненавистной мне близости.

- Однажды я смогу рассказать тебе, что случилось там на самом деле.

- Но не сегодня? – говорю с насмешкой.

- Нет, Анника. И возьми уже этот шушенский (чёртов) бокал! – говорит в сердцах, дёргая его так, что жидкость выплёскивается на ковёр, который тут же её впитывает.

Он раздражён, и это чувствуется даже в воздухе.

- Я был намерен просто сделать то, что от меня требуется! Если ты думаешь, что находиться здесь с тобой – это великое счастье, спешу огорчить. Неужели, чтобы совершить ритуал, тебе следует вставить кляп в рот?!

- Вот как ты заговорил, - делаю шаг назад, а генерал внезапно разворачивается и бросает кубок в стену, вымещая на нём свою злость. Оставшаяся жидкость разливается, металл ударяется о преграду и падает, катясь по полу. – Видят боги я старался быть обходительным и внимательным, я не желал причинять тебе боли ещё большей, чем у тебя есть.

- Ты оставил мою семью без брата и отца!

Он зажмуривается и сильнее стискивает зубы.

- Я могу взять тебя силой, эрдана Торн, но не стану, потому что воспитан иначе. И не притронусь к тебе сегодня, - и снова он у стола, ставит второй кубок с грохотом. – Ты заключила договор, чтобы истязать меня?

- И это говорит убийца...

- ХВАТИТ! – ревёт он, и мне становится настолько страшно, насколько это возможно. – Я не убивал твоего брата, - говорит сквозь зубы.

- Но...

- И однажды ты поймёшь это. А теперь уходи из моей комнаты!

Пойму? Но как я должна понять?

Он требует уйти, и с одной стороны – облегчение, с другой разочарование, что это снова повторится. Стою, не зная, что делать, когда он кричит на меня.

- Убирайся!

Таким я вижу его впервые. Срываюсь с места, добегая до двери. Дёргаю ручку, но она не поддаётся. Он же запер нас. Застываю, слушая, как Мариус подходит ближе, и резко оборачиваюсь, потому что врага нужно встречать лицом. Генерал отталкивает меня так, что я чуть не падаю, быстро хрустит замком и дёргает на себя дверь, а до моих ушей доносится топот ног. Кто-то подслушивал нас.

- Я не потерплю в своём доме сплетен, - рычит он, выбравшись в коридор. – Если ещё раз повторится подобное – поедете на Север добывать сердечники или на юг в Каменные Кары. А теперь проводите эрдану в её покои, - обращается к пустоте, возвращаясь к себе в комнату. – Прошу, - говорит елеинным любезным голосом, указывая мне на дверь. И как только выбираюсь из спальни, дверь тут же с грохотом закрывается, оставляя меня в ледяном полумраке негостеприимного дома.

Глава 19

Почти сразу показывается служанка, слегка кивает, проходит мимо, ничего не говоря, и я понимаю, что мне следует идти за ней. Она провожает меня до комнаты, взбивает подушки, интересуется, не нужно ли мне что-то, и уходит, прикрывая дверь.

Радует, что меня не намерены запираť снаружи, но изнутри я защёлкиваю замок, потому что уснуть в незнакомом доме, где всё плохо знаю, вряд ли смогу.

На прикроватной тумбочке графин с водой, и я наливаю в стакан прозрачную жидкость, отпивая половину. Ненароком задеваю ночной горшок, который тут же катится по полу грохоча. Подхватываю его, брезгливо отодвигая. Но он чистый, новый. Только я привыкла ходить в специальную комнату, у нас в доме была такая, и отец говорил, что её соорудили по проекту матери.

Укладываюсь в чистую кровать, пахнущую розами. Хотя, это от меня, по всей видимости. Приготовления, которые ничем не закончились. Но, надо признать, я сама виновата. Не смогла стерпеть.

Он был таким нахальным и дерзким.

Но в то же время пытался успокоить и закопать топор войны.

И раз уж я здесь, должна как-то настроиться на то, что от меня требуется.

Засыпаю не сразу.

Дом дышит по-чужому. Где-то скрипят балки, глухо откликаются шаги слуг, ветер шуршит в узких проёмах окон. Постель мягкая, слишком мягкая, будто пытается убаюкать силой. Он говорил, что однажды что-то расскажет мне. Какую тайну скрывает Мариус Вальт? О чём я не имею право знать, если речь идёт о моём брате?

Сон приходит рывками. В нём Готтард, холм, рассветы и чёрная пасть разлома. Потом Мариус и его жаркие поцелуи, а я силюсь оттолкнуть, но принимаю неизбежное. И радуюсь, что больше не следует встречаться.

А когда просыпаюсь до рассвета, восстанавливая в памяти все события, осознаю: это был всего лишь сон. И мне снова предстоит оказаться с ним наедине в спальне, и настроение портится.

За завтраком место генерала пустует. Серебряные приборы рядом со мной выложены безупречно, в чашке остывает чай. Слуги говорят мало и осторожно, будто боятся лишнего звука. Никто не объясняет, куда он ушёл. Никто не говорит со мной, лишь услужливо ждёт, когда я выдам какое-нибудь распоряжение.

Ем через силу, скрывая неловкость. В этом доме отсутствие может быть громче присутствия.

Затем слоняюсь по коридорам, считая шаги и окна. Комнаты тянутся одна за другой: строгие, выдержанные, без излишеств, как и их хозяин. Останавливаюсь у дверей библиотеки и, не найдя причин идти дальше, захожу.

Здесь хорошо. Пожалуй, лучше, чем во всём остальном доме.

Пахнет пылью, сухими травами и старой бумагой. Несколько книжных шкафов стоят по периметру, а между ними ещё парочка. Издания старые, но есть и современники. Выбираю книгу наугад, но тут же ставлю на место. «Свод законов и правил». Достаточно мне уже этих правил. Следующая тоже не привлекает – «Искусство подковки лошадей». А вот третья поглощает сразу же, и я теряю счёт времени. Читаю, перелистываю, снова читаю, и впервые за утро не думаю ни о генерале, ни о договоре.

Всё дело в романе о маленьком мальчике, который по воле случая оказался один в другой стране. Его родители бесследно исчезли, а он был вынужден в своём возрасте выживать, как умел.

- Анника?

Голос Ивэльды мягко возвращает меня в реальность. Она стоит у двери, в светлом платье: спокойная, собранная. – Прибыла по делам в столицу, - сообщает, но я уверена, что лжёт. Она приехала сюда из-за меня. Вернее, чтобы узнать подробности этой ненавистной мне ночи. Только бьюсь об заклад, что слуги ей уже всё доложили.

Ивэльда Вальт - мой негласный ласковый надсмотрщик.

- Любишь читать? – подходит ко мне, и я показываю название. – Лучше делать это в оранжерее. Ты была там?

Качаю головой.

- Чем дышать пылью, возьми книги и отправляйся туда. Но это позже. А теперь предлагаю тебе прогуляться, свежий воздух не повредит. Варруген лучше узнавать днём.

- Я была здесь несколько раз с отцом.

- Тогда кое-что вспомнишь, а кое с чем познакомишься, - кажется, эта женщина никогда не унывает.

Выбираемся в гостиную, где с дивана поднимается какой-то мужчина.

- Знакомся, Анника, это Йохан, мой, - она что-то хочет сказать, но тут же передумывает, - мой младший брат.

Смотрю на мужчину, понимая, что мы знакомы. Ему около сорока, может, чуть больше.

- Вы держите лавку с посудой, - уточняю, и он тут же кивает.

- Выходит, вы уже знакомы, - переводит взгляд Ивэльда с меня на своего родственника.

- Да, мы покупали посуду в его лавке, - объясняю ей. – У Йохана чудесная маленькая улиточка, которая покорила моё сердце.

Ивэльда смотрит на меня с таким восхищением, словно я сказала что-то такое, что заставило её сердце трепетать.

- Ты очень добрая девочка, - отчего-то изрекает. – И верно заметила про улитку, я тоже люблю его работы, - она берёт меня под локоть, подталкивая к выходу, и втроём мы выбираемся на улицу.

Город встречает шумом и цветом.

Варруген совсем не похож на Готтард. Здесь улицы широкие, камень тёплый, лавки пахнуты настезь. Пахнет выпечкой, кожей, благовониями. Люди смеются, спорят, торгуются. Жизнь идёт, не оглядываясь на пророчества. И никто из них не знает ни про разлом, ни про то, что я вынуждена жить с ненавистным мне генералом.

Ивэльда ведёт меня уверенно, как по давно знакомым тропам. Мы проходим мимо ювелирных лавок, тканей, витрин с обувью. Забредаем в лавку Йохана, и он дарит мне от чистого сердца небольшой изящный кувшинчик. Остаётся здесь, а мы отправляемся дальше, пока не останавливаемся у одного из зданий.

- Сюда, - зовёт Ивэльда.

Поднимаю взгляд, и щеки тут же заливают жар.

Витрина оформлена тонко и красиво: кружево, шёлк, полупрозрачные ткани, цвета рассвета и вина. Это лавка женского белья, которое должно заставить трепетать мужей и любовников. Так гласит приписка к большой надписи – «У альти Мадоленны».

- Идём же, - зовёт меня Ивэльда, но я лишь качаю головой.

Сначала капли для глаз, теперь это. Нет уж, я не хочу наряжаться для этого негодяя.

- Посторонись, - слышится голос возницы, и я отшатываюсь от мостовой, а Ивэльда улучшает момент и впихивает меня внутрь магазина.

Глава 20

Колокольчик тренькает, дверь закрывается, и, прежде чем перед нами вырастает довольно милая дама, Ивэльда успевает шепнуть:

- Это красиво, поверь мне. И это не для кого-то. Это для тебя.

Внутри лавка оказывается совсем не такой, как я ожидала. Никакой вульгарности. Свет мягкий, будто просеянный через тонкую ткань. Стены обиты тёплым деревом, полки аккуратные, на них сложенные стопками корсеты, сорочки, накидки. Каждая вещь, как произведение искусства, а не оружие соблазна. Воздух пахнет лавандой и чем-то сладковато-пудровым. Тут же замечаю небольшую полку с духами, задерживая на ней взгляд.

Дома мы пользовались травами, чтобы создать ароматы. Но когда приезжали сюда с отцом, ощущала приятные необычные запахи, которые в Готтарде никогда не воспроизвести. И мне хотелось себе такой пузырёчек.

- Добрый день, эрданы, - раздаётся голос.

К нам выходит хозяйка: женщина лет сорока с серебряной прядью в тёмных волосах и внимательным взглядом. На ней простое, но идеально сидящее платье, и я сразу понимаю: эта Мадоленна знает толк не только в тканях, но и в женщинах.

- Рада приветствовать тебя, Ивэльда, - они обмениваются поцелуями в щёку, как давние знакомые. - У меня появилась новая швея – творит чудеса.

- Сегодня не для себя, - останавливает она её, и хозяйка тут же кивает, переключаясь на новую клиентку.

- Для прогулки или для дома? - спрашивает спокойно, не разглядывая меня с ног до головы, за что я неожиданно благодарна.

- Для новой жизни, - отвечает Ивэльда вместо меня и улыбается так, будто это шутка. - И для того, чтобы напомнить, что женщина остаётся женщиной в любых обстоятельствах.

Мадоленна кивает, словно слышит подобное каждый день.

- Слышала, твой сын женился.

- Да, ему очень повезло. Невеста – красавица, - вгоняет меня в ещё большую краску Ивэльда.

- Да, я вижу, - подмигивает мне Мадоленна, поднимая, что я и есть та самая жена. - Давайте начнём с простого.

Меня подводят к стойке, где лежат сорочки. Не прозрачные, не кричащие. Мягкие, струящиеся, с тонкой вышивкой по вырезу. Я касаюсь ткани кончиками пальцев и вдруг понимаю, что она приятнее любой из тех, что были у меня дома.

- Это подойдёт к вашему цвету кожи, - говорит хозяйка, прикладывая к моему плечу светлую, почти жемчужную сорочку. - И не требует ничего одобрения.

Я хмыкаю, но беру её.

Примерочная оказывается уютной: большое зеркало, деревянная скамья, ширма. Помощница хозяйки помогает мне расшнуровать платье, а потом выходит. И я облачаюсь в обновку, будто это не просто смена одежды, а какое-то маленькое, личное решение.

Сорочка ложится по телу неожиданно хорошо. Не обтягивает каждый изгиб, а слегка подчёркивает его. Смотрю на своё отражение и впервые за долгое время вижу не «эрдану Торн» и не «жену генерала», а просто себя. Уставшую, злую, но живую. Ту, которой нравится эта сорочка.

- Ну? - осторожно спрашивает Ивэльда из-за ширмы.

- Это удобно, - признаюсь, трогая ткань руками. Никогда бы не подумала, что приду в подобное место с матерью своего мужа.

- Вот видишь, - улыбается она. - Красота начинается там, где ты позволишь ей начинаться.

Мадоленна тем временем уже держит в руках ещё одну вещь: накидку из тонкого шёлка цвета тёмного вина.

- Не обязательно брать, - говорит она. - Но иногда полезно иметь что-то, что напоминает: вы можете быть разной.

Я колеблюсь, но всё же принимаю её.

Щёки не такие алые, но всё равно румянятся. Это уже не совсем стыд. Скорее - странное, тихое смущение от того, что кто-то заботится обо мне не как о части договора, а как о женщине.

По итогу из лавки мы выходим не с одним свёртком.

Мадоленна аккуратно перечисляет покупки, а её помощница перевязывает лентами: две сорочки - одна светлая, жемчужная, почти невесомая, для сна и тихих вечеров, вторая - цвета топлёного мёда, чуть плотнее, с мягкой вышивкой по подолу, «для дома». Комплект нижнего белья из тонкого шёлка и кружева, неброский, без вызывающих деталей, в оттенке слоновой кости. Ещё один - тёплого винного цвета, не для показного соблазна, а для ощущения себя красивой. Лёгкая накидка из шёлка, та самая, цвета тёмного вина, почти как тень на коже. И простая, но очень мягкая домашняя рубашка. Мадоленна настояла, сказав, что у каждой женщины должно быть что-то «без смысла и обязательств».

Я смотрю на свёртки и ловлю себя на странной мысли: это покупки не для брачной ночи и не для мужчины. Это вещи для меня.

Для жизни, в которой мне ещё только предстоит научиться дышать.

Ивэльда благодарит знакомую, и мы выбираемся на улицу, как две подруги. Чувствую благодарность и необходимость озвучить это вслух.

- Спасибо, Ивэльда, я бы никогда не решилась посетить такое место.

- Очень рада, дорогая, что смогла тебе угодить. И не обязательно использовать это для мужчины. Когда я надеваю красивое бельё, я ощущаю себя королевой. И пусть только я сама знаю об этом, остальные видят мой внутренний настрой. А теперь позволь пригласить тебя отведать лучшее мороженое Варругена!

Она улыбается, предлагая мне свой локоть. Мы разделяем покупки и несём каждая по паре свёртков в свободной руке. Ивэльда что-то рассказывает, когда мимо нас проходит какая-то девушка, здороваясь с ней. Моя спутница нехотя отзывается и ускоряет шаг, а я оборачиваюсь, ведь что-то меня в этой женщине зацепило.

Она идёт легко, почти скользя, и в этом есть что-то неуловимо неправильное для человеческой походки.

Высокая. Стройная. Кожа тёплого бронзового оттенка, словно её поцеловало другое солнце, не акрионское. Плечи открыты, платье простое, но сшито так, что подчёркивает каждое движение тела, будто ткань знает его заранее. Талия тонкая, спина прямая, шея длинная: гордая осанка, к которой не приучают, а с которой рождаются.

Волосы тёмные, густые, собранные небрежно, и от этого кажутся ещё живее. Несколько прядей выбились и скользят по ключицам. Лицо резкое и красивое одновременно: высокие скулы, полные губы, изогнутые так, будто она всегда знает больше, чем говорит.

Но больше всего цепляют глаза, что сейчас оценивают меня.

Зрачки чуть вытянутые, не до конца человеческие. Цвет - тёмный янтарь с золотистой искрой внутри, как если бы в них отражался огонь, скрытый глубоко под кожей. Взгляд внимательный, цепкий, оценивающий. Она смотрит так, словно видит не только тело, но и то, что под ним.

Когда она поздоровалась с Ивэльдой, её голос был низким, мягким, обволакивающим, как тёплый шёлк. Не заигрывающий, а уверенный. Женщина, привыкшая, что на неё смотрят. И что она это позволяет.

И, кажется, я знаю её имя.

Юфина.

Глава 21

Не могу оторвать взгляда от той, кого выбрал мой муж и невольно оцениваю нас. Так устроен слабый пол, что, сами того не желая, они сравнивают себя с кем-то другим. Особенно, если это женщина. Особенно, если она имеет виды на твоего мужчину, пусть он и трижды тебе не нужен.

- Анника, - негромко зовёт Ивэльда, которая только что заметила, что меня нет рядом. Она возвращается обратно, берёт меня под руку крепко, без возможности возразить, и почти тащит за собой, намереваясь увести отсюда, как можно быстрее.

- Мы почти дошли, вот за тем поворотом небольшое здание, - указывает она на серый дом, а тюки медленно раскачиваются от её движения, то и дело ударяя по бедру, но, кажется, она этого не замечает, потому что её мысли заняты другим.

Она всячески избегает эту женщину.

Позволяю увести себя, бросив прощальный взгляд на улицу и осознавая, что Юфины уже нет напротив.

Мы сворачиваем за угол, и перед нами открывается витрина кондитерской. Большие окна, стекло чуть запотевшее изнутри, за ним - горки пирожных, сверкающие глазурью, кремом и сахарной пудрой, очень красивые и аппетитные, что сразу рот заполняется слюной. Дверь открывается, выпуская милую парочку, которая наслаждается обществом друг друга. Мужчина придерживает дверь, позволяя нам юркнуть внутрь, и в нос ударяет запах шоколада, ванили, миндаля и карамели, только что снятой с огня: тёплый, сладкий, густой.

Внутри тепло и уютно: светлое дерево, маленькие столики, белые скатерти, стеклянные витрины. Где-то позвякивают ложечки, кто-то смеётся вполголоса. Здесь жизнь кажется простой и правильной, как будто за этими стенами нет ни договорных браков, ни пророчеств, ни генералов с их змеевидными любовницами.

- Когда я бываю в Варругне, - говорит негромко Ивэльда, - всегда выделяю полчаса, чтобы посидеть здесь, и знаешь, плохое настроение всегда уходит. Может, потому что они добавляют толику счастья в свои «шедевры»? – приятно улыбается и пожимает плечами. – Моё любимое место, - указывает на небольшой столик у окна. - Садись, - распоряжается, снимая пальто и помогая мне. Тюки мы устраиваем на софе рядом, и к нам подходит женщина, которая чем-то напоминает бабушек из книг: добрые глаза, седые волосы, уложенные в улитку, очки на носу и лёгкая улыбка.

- Добро пожаловать, сегодня вы не одна, моя дорогая, - обращается она к Ивэльде. Да её тут все знают.

- Теперь нет. Надеюсь, скоро я приведу сюда своих внуков, Дадерия. А пока знакомься – Анника Вальт, моя невестка, в девичестве Торн.

Внуков? Я не ослышалась? Да у неё планов хоть отбавляй, только у меня от таких мыслей совсем настроение портится.

- Торн? – переспрашивает женщина, и её глаза лучатся теплом.

- Вы знали моего отца?

- О, да. Это был удивительный человек, девочка. И грустно, что мир лишился столь чудесного дракона, да хранит его душу Праматерь. Твоя мать не менее великая женщина. К сожалению, нам так и не привелось увидеться, но моя сестра ездила к ней за помощью. Она спасла её. А потому сегодня всё, что ты выберешь, будет для тебя абсолютно бесплатно! – делает она мах рукой, а потом прислоняет ладонь к груди. – От чистого сердца.

В носу свербит. Потому что я скучаю не только по ушедшему отцу, но и по Эйлин, которая теперь стала частью другого мира, пусть только лишь на ближайший год, но мне её уже не хватает.

Ивэльда заказывает уверенно, не заглядывая в меню:

- Два пирожных с кремом из южных орехов. И мороженое: мне - фисташковое, Аннике - сливочное с мёдом и солью.
- С солью? - переспрашиваю я, удивлённо.
- Ты удивишься, - улыбается она.

Я как раз успеваю сделать первый осторожный укус, и действительно удивляюсь. Сладость и соль переплетаются так, что хочется закрыть глаза. Холод мороженого тает, оставляя после себя мягкое тепло, и я вдруг понимаю, что улыбаюсь по-настоящему. Не из вежливости. Не потому что надо. Потому что к такой жизни тоже можно привыкнуть.

Колокольчик над дверью издаёт мелодичный звон снова. Поднимаю глаза, и сердце делает лишний удар.

Юфина входит в кондитерскую, словно на заранее подготовленную сцену, окидывает взглядом зал и почти сразу находит нас. Осознаю: это не простое совпадение, не желание поесть мороженого, она нарочно пришла сюда, и мне предстоит выдержать эту битву.

Глава 22

Любовница моего мужа направляется в нашу сторону, пока ничего не подозревающая Ивэльда нахваливает сладости.

- Вы так быстро ушли, эрдана Ивэльда, - говорит она, подходя ближе. - Я совсем забыла поздравить вас с невесткой.

Лёгкий наклон головы. Без тени насмешки, но каждая из нас понимает, что искренности в словах не стоит ждать.

- Благодарю, - расплывается Ивэльда в холодной улыбке, - Мариусу очень повезло с невестой.

- Полагаю так, - переводит взгляд на меня девушка. – Может, вы представите нас друг другу? – приподнимает бровь.

- Не думаю, что когда-нибудь Аннике понадобятся ваши услуги, а теперь мне бы хотелось обсудить с ней кое-какие женские вопросы.

- Юфина Гриммет, - пропускает она мимо ушей слова Ивэльды, представляясь, - предсказываю судьбу, заглядываю в прошлое и будущее, делаю привороты на любовь, - после этого её улыбка ползёт вверх, обнажая белоснежные зубы.

Намёк слишком очевиден, чтобы его не заметить, и мне нужно как-то парировать.

- Анника Торн, - не остаюсь в стороне. Она и так знает, кто я такая, уверена, навела справки. Отмолчусь я – решит, что не умею кусаться. – Жена генерала Мариуса Вальта, дочь генерала Кольфина Торна. Умею лечить мигрени, принимать роды, заживлять раны и разбитые сердца.

Ивэльда поднимается с места, делая шаг вперёд, становясь живым щитом между мной и неуютной. Решает, что эту перепалку, которая не вылилась бы во что-то куда серьёзнее, чем обычная презентация, следует прекратить. И в этот момент хозяйка спасает положение, разводя двух женщин. Она предлагает Юфине другой столик, говоря, что этот уже занят, и та, поблагодарив, уходит, обронив прощальное «до встречи».

- Самая настоящая змея, - Ивэльда снова садится, настроение у неё испорчено, это слишком хорошо заметно. – Яд так и брызжет, - не может она успокоиться. – Анника, - словно вспоминает, что не только её огорчил факт наличия рядом с нашим столом любовницы её сына. – Ты не должна грустить. Неважно, на чьей стороне превосходство в начале гонки. Главное, чем закончится для тебя она в самом конце, а я уверена, что...

- Постойте, - перебиваю, - вы действительно думаете, что мне есть дело до того, в кого влюблён ваш сын?

Я лгу. И ей, и самой себе. Несмотря на ненависть, которую я к нему испытываю, мне безразлично, чем он занят в свободное время. Меньше всего я желаю сплетен за своей спиной и осознания, что человек томится моим обществом, потому что выбрал другую.

Никто не желает вторых ролей.

Я всегда мечтала быть для своего мужа не просто первой, а единственной. Той, ради которой он захочет перевернуть мир.

- Я тоже ненавидела Ауриманта. Он сделал много плохого, но для меня он стал целым миром, Анника. Всё потому что я увидела в нём толику света, позволила себе посмотреть на него не как на чудовище, а как на любящего мужчину.

В тебе играет чувство обиды, я понимаю. Вам с семьёй пришлось нелегко. Но только задумайся, Анника, тебе нужно простить Марууса за то, чего он делал!

Мы снова пришли к этому разговору, и в который раз меня пытаются убедить в обратном.

День испорчен. Настроение, которое поселилось во мне после женского магазина, моментально куда-то улетучилось, аппетит пропал, и я отвожу взгляд, смотря через витрину на улицу, где мимо проходят пару человек.

Там снова Юфина. Она стоит через дорогу, заслоняя собой какого-то человека. Ракурс такой, что не сразу понятно. Сперва осознаю, что это мужчина, и становится не по себе, потому что вижу, как она касается его плеча и тянется на цыпочках, чтобы добраться до его уха, а потом хохочет, словно сказала нечто безумно смешное. Когда мужчина встаёт так, что можно различить лицо, узнаю его.

Сейчас на улице Мариус Вальт, мой новоиспечённый муж, касается женщины, которая ему не принадлежит, на глазах у прохожих. А я готова сгореть от стыда.

Глава 23

Наверное, по моему лицу Ивэльда понимает: что-то не так. Переводит взгляд на витрину и какое-то время смотрит. Её плечи едва заметно напрягаются, улыбка замирает, будто застывает фарфоровой маской. Взгляд, ещё секунду назад тёплый и участливый, становится острым, собранным, чужим.

- Как тебе мороженое? - спрашивает она слишком быстро, чтобы сместить внимание на что-то хорошее. - Необычное, правда?

Голос звучит почти бодро. Почти.

Медленно моргаю, не отрывая взгляда от улицы. Наверное, потом научусь так же умело скрывать свои эмоции, а пока гашу их слишком медленно.

- Да, необычное.

Ивэльда делает вид, что всё в порядке. Берёт салфетку, аккуратно промокает губы, словно это самый обычный день, самая обычная прогулка. Она старается. Из всех сил старается быть хорошей для меня, для этого брака, для иллюзии, что всё ещё можно исправить.

И я вдруг понимаю: я не могу винить её ни в чём. Она не выбирала ни Юфину, ни сына таким, ни эту ситуацию.

- Пожалуй, нам пора, - говорит, натягивая улыбку. - День уже клонится к вечеру.

Я киваю, чувствуя, как внутри всё сжимается в тугий узел, поднимаюсь с места, а хозяйка вручает мне пирожные с собой в знак уважения к моей семье.

Мы выходим из кондитерской. Колокольчик звякает снова слишком весело для моего состояния. Я невольно смотрю туда, через дорогу.

Ни Юфины. Ни Мариуса.

Будто их и не было. Будто мне всё померещилось. Но я точно знаю, что это было на самом деле.

Мы идём молча, уже не спеша. Варруген шумит вокруг, но этот шум словно приглушён. В одной из лавок с фруктами Ивэльда останавливается, решая сделать очередную покупку. Мы выбираем яблоки: тёмно-красные с блеском, груши с медовым запахом, гроздь винограда. Продавец улыбается, желает хорошего вечера. Благодарю машинально, и всё кажется, будто меня обсуждают за спиной.

Я не желала быть женой генерала. Но раз так вышло, не хочу быть той, над кем смеются в каждом доме, считая меня ненужной.

Дом встречает прохладой и тишиной.

Ивэльда оставляет меня, отправляясь в Облачный Утёсы, где я ни разу не была. Остаюсь одна, не находя себе места. Вечер тянется вязко, как патока. Книжки надоедают, ужин в одиночестве не располагает на хорошее настроение.

Брожу по коридорам, не понимая, чем себя занять. У кабинета генерала оказываюсь случайно и замираю, услышав голоса. Я и не знала, что Мариус вернулся.

- Ты точно сделал, как я велел? - голос Вальта низкий, холодный, без привычной резкости, и от этого ещё страшнее.

- Да, - отвечает мужчина. - Их не найдут.

- Тебя кто-то видел?

- Нет, эрд. Ни одна живая душа, это было ночью.

Пауза. Я затаиваю дыхание. Отчего-то кажется, будто речь идёт о моей семье. Что если он навредил им?

- Но зачем они вам, генерал? - осторожно спрашивает тот же голос.

- Это не твоя забота, - отрезает Мариус. - Я плачу - ты делаешь работу.

- Конечно. Как скажете.

Шаги. Скрип двери, и я не успеваю отскочить и спрятаться.

Незнакомый мужчина выходит в коридор, бросает в мою сторону взгляд и быстро уходит. А следом появляется Мариус. Наши взгляды сталкиваются.

В его глазах - ярость. Чистая, обжигающая, направленная прямо на меня, будто я виновата в том, что слышала.

- Как давно ты здесь? – голос заставляет страшиться.

- Просто шла мимо.

Он делает шаг, хватая меня за руку, отчего ощущаю резкую боль, и тянет за собой в кабинет.

- Ты подслушивала!

И это не вопрос.

Дверь захлопывается за моей спиной с глухим ударом.

- В этом доме есть правила!

- О ком ты говорил?

- Это тебя не касается!

- Речь шла о моей матери или братьях? Ты причинил им вред?

- Что за чушь, Анника? – фыркает он, но отчего-то уводит глаза. – Ты не должна подслушивать!

- А ты не должен тащить меня силой! - вырывается у меня, и я наконец дёргаю руку, освобождаясь. - И уж точно не имеешь права позорить меня на глазах всего города!

- Позорить? - в его голосе появляется опасная тишина. - Ты сейчас серьёзно?

- Я видела тебя, - слова срываются, будто я держала их слишком долго. - С ней на улице. Как будто меня не существует. Как будто я - пустое место, временная ошибка! Но я живая, Мариус. И я хочу, чтобы меня уважали. Да, пусть ты мой муж лишь по договору, но это не значит, что ты имеешь право жить, как вздумается. Обязанности должны быть не только у меня, но у тебя, дорогой муж, - тычу в его сторону пальцем, а Вальт складывает руки на груди, усмехаясь.

- Интересно послушать.

- Я не вещь, тебе нужно это принять. И раз уж мы вынуждены переступить через собственные желания, чтобы исполнить пророчество, будь добр не делать мою жизнь ещё невыносимее.

Он молчит, оставляя за мной возможность высказаться.

- Да, Мариус, - решаю признаться, - мужчины Акриона всегда решают, но без меня у тебя ничего не выйдет! И если Юфина не может подарить тебе ребёнка, который необходим этому миру, то уважай ту, кто наступает на горло собственным принципам ради других. Неужели, я не заслуживаю хотя бы немного уважения?

Моя голова гордо вскинута, и я выдерживаю его взгляд.

- Я буду более осмотрительным, - говорит он уже спокойнее. - И раз уж ты здесь, то должна знать, что в эту субботу нас ждут на приёме у императора.

- Император? – переспрашиваю удивлённо. - Для чего?

- Он хочет познакомиться с моей женой, - последнее слово звучит не очень радостно, словно ему неприятно меня так называть. Конечно, он желал видеть на моём месте другую. – Я распоряджусь, чтобы завтра тебя отвезли в ателье. Закажи себе несколько хороших платьев, цена не важна, а к пятнице выбери что-то готовое, вряд ли успеют сшить. Раз уж ты видела меня, то Расскажи, что делала в городе?

Вспоминаю о нижнем белье, но не желаю признаваться. Это для меня, а не для него.

- Твоя мама позвала меня на прогулку.

- Понятно.

- Могу идти?

- Да.

Но как только разворачиваюсь, слышу:

- Постой.

Слегка смещаю голову, ожидая, что скажет дальше.

- Совсем скоро мне придётся уехать по делам империи, возможно, на пару месяцев.

Потому в ближайшие несколько дней следует решить вопрос с ребёнком.

- Сегодня? – мой голос спокойный, а внутри поднимается буря.

- Если ты готова.

- Я никогда не буду к такому готова, генерал. Но долг есть долг.

- Тогда встретимся через час в моей комнате. Надеюсь не услышать очередное обвинение в свой адрес.

Киваю и выхожу из кабинета, чувствуя себя в очередной раз в ловушке, из которой нет выхода.

Глава 24

Снова подготовка к ненавистной близости. На этот раз молча, без сопротивления, будто внутри что-то устало и притихло.

Оставшись наедине после ванной, достаю флакон, что дала Ивэльда. Стекло тёплое, матовое, с тонким узором, не броское, не кричащее. Такое, как она сама: сдержанное, но дорогое.

Пробка поддаётся с тихим щелчком, и воздух наполняется сложным, тяжёлым запахом. Не тем, что носят на коже ради удовольствия, а тем, что пьют, когда решаются на необратимое. Аромат медленно, осторожно раскрывается, будто не решаясь вторгнуться без позволения, и я пытаюсь определить состав.

В основе - настой корня лунницы: горьковатый, терпкий; он разогревает кровь и заставляет тело вспоминать своё предназначение. К нему примешан пепел цветка саэли: редкого растения, что распускается лишь в ночь полной луны. Его добавляют совсем немного, он усиливает связь между телом и магией рода. Чуть ниже, плотной нотой, чувствуется смола янтарного дерева, та самая, что используют лекари драконов: она укрепляет утробу, делает её «гостеприимной», как говорят старые повитухи. Есть и мёд пустоцвета: сладкий, но с металлическим привкусом, он смягчает действие остальных компонентов, чтобы снадобье не отторглось организмом.

И в самом конце почти неуловимая тень сока фениксовой лозы - символа возрождения и продолжения. Её здесь капля, не больше. Слишком сильная магия опасна.

Возможно, что-то ещё, но я различаю лишь эти ароматы. Запах получается странный: тёплый, травяной, с нотами земли и огня. Не возбуждающий. Не красивый. Решающий.

Я знаю, что это не просто помощь телу - это согласие. Признание того, что ребёнок возможен, и, возможно, неизбежен.

Флакон тяжелеет в ладони, словно в нём не жидкость, а сама судьба, сжатая до нескольких глотков. И как только слышу шаги в коридоре, опрокидываю в себя содержимое, морщась от горечи, но проглатываю в несколько глотков.

Снова коридоры, а моя голова плывёт. Всё же среди горечи затерялось что-то расслабляющее, а когда за мной закрывается дверь, вижу Мариуса иначе, чем прежде. Волосы влажные немного выются, рубашка расстёгнута, обнажая упругую грудь, нижние белоснежные штаны, под которыми легко угадывается признак мужчин. И хоть я прежде никогда не видела обнажённых мужчин, от служанок примерно знаю, как там всё устроено.

Он соблазнителен и привлекателен, и моя ненависть утихает, позволяя выйти на арену желаниям.

Моё тело жаждет ласки. Оно горит рядом с этим мужчиной, и я не стану сопротивляться, потому что желаю его сейчас.

Где-то в глубине памяти бьётся мысль о брате, но магия, разлитая по жилам, закрывает её за глухой дверью, и есть только мы. Ни Юфины, ни Анхеля не существует, только генерал, который тут же протягивает руку не к моему лицу - к халату, будто ему надоели прелюдии.

- Можно?

- Если должен, - наконец выдыхаю, надеясь, что сказала это достаточно безрадостно.

Вот для чего мне дала флакон Ивэльда. Она знала, что без подобных ухищрений я не справлюсь, а теперь пойду до конца. И была права. Становится не по себе, потому что эта женщина знает меня лучше меня самой.

Мариус касается ткани двумя пальцами. И всё же я чувствую его будто прикосновение горячего металла. Он не торопится, медленно развязывает тонкий поясok на моей талии, не

касаясь кожи. Каждое движение будто выверено, чтобы я не посчитала его грубым. Или чтобы я не решила, что он желает меня.

Лишь договор и ничего большего, только сейчас мне хочется, чтобы между нами было всё по-настоящему.

Глава 25

Когда халат немного распахивается, он первым отводит взгляд. Не я. Он. И этот жест тихий, вежливый, не требующий объяснений ранит глубже всего: он не хочет меня. Даже касаться не хочет. Даже смотреть. Не потому, что я отталкивающая. А потому что для него я - пустота. Воздух. Сделка.

И почему-то именно от этого горло у меня перехватывает.

Раньше не казалось, что это может задевать, но не теперь. И различить: мои это мысли или особенности магического зелья теперь не в силах.

- Анника, - его голос звучит ниже, тише, чем обычно. - Ты можешь не бояться. Как только пожелаешь – всё закончится. Я не желаю, чтобы у тебя остались неприятные воспоминания.

- Я не боюсь, - отвечаю слишком быстро. – Я просто ненавижу.

Он останавливается, и по лицу пробегает еле заметная тень. Тень боли? Или обиды? Или просто воспоминаний, которые он хранит лучше меня?

Моргаю, не ожидая этого. Не ожидая от него чего-то настолько человеческого, но он берёт себя в руки и подводит меня к кровати, а халат мягко шуршит по полу. Кожа пахнет розами, волосы - маслом, подготовленным для нашей брачной ночи.

Вижу, как он едва заметно вдыхает запах. Как смотрит на мою шею, на мокрые от масел пряди и резко отводит взгляд, будто боится, что я подумаю лишнее. Или же вспоминает свою любовницу.

Садится рядом, и я ощущаю его тепло, и оно делает мне больно. Это спокойствие пугает меня больше, чем страсть. Но ещё больше осознание, что я желаю продолжения.

Замираю статуей, не имея никакого опыта, ожидая всех действий от врага. Его ладонь на моей щеке, и губы сливаются с моими. Ток по телу разбегается в разные стороны, и я отвечаю, подбадриваемая фениксовой золой.

Поцелуй гаснет. Губы становятся чужими. Тепло исчезает, будто его выключили. Генерал отстраняется ровно настолько, чтобы видеть моё лицо, и смотрит так, как никто никогда не смотрел: без желания, без надежды, просто с пониманием, что мы оба пленники.

Договор - как цепи на запястьях. Это не он придумал, не он желал. Но он - моя обязанность. А я - его.

Мариус тянется ко мне снова, но теперь движения точные, выверенные, будто выполняет тяжёлую работу, а не приближает женщину. Он не ласкает. Он не исследует. Он просто выполняет шаг за шагом то, чему его учили, как мужчину из влиятельного рода.

То, что должно породить наследника.

Не закрываю глаза, не хочу давать себе этой роскоши. Пусть он видит, что я здесь не как мечта, не как желание, а как выбор, сделанный из необходимости.

Кровать прогибается под нами. Ткани шуршат, свет лампы дрожит, будто тоже не желает быть свидетелем. Я ощущаю, как магия снадобья мягко, неумолимо растекается внутри не вспышкой, а медленным, настойчивым теплом. Она притупляет углы, сглаживает боль, заставляет тело откликаться там, где разум кричит «нет».

Мариус сдержан. Даже сейчас. В каждом движении контроль, в каждом касании предел, за который он не переступает. Это не близость двух людей. Это ритуал. Исполнение долга, отточенное до автоматизма.

И всё же моё тело предаёт меня.

Я чувствую это с горечью, почти с отвращением к самой себе, как дыхание сбивается, как дрожь проходит по коже, как магия заставляет забыть, зачем я здесь. На короткие мгновения исчезают ненависть, имя брата, даже Юфина. Остаётся только тепло и тяжесть чужого присутствия, которое почему-то больше не ранит так остро.

Я стискиваю пальцы в складках простыни, будто держусь за последний якорь реальности. Где-то глубоко внутри звучит мысль: пусть это закончится.

И другая, куда более страшная: пусть это сработает.

Вижу, как меняется его взгляд, как учащается дыхание вслед за моим, как доселе неведомое блаженство накрывает меня с головой и, закусив руку, чтобы не закричать, ощущаю последние движения генерала, после которых он замирает, а потом ложится рядом со мной, и его тело и волосы мокрые от пота.

В эту ночь я стала женщиной.

Глава 26

Когда всё заканчивается, тишина падает между нами оглушающей плитой. Очарование, таящееся на дне флакона, медленно отступает, оставляя после себя усталость и странное саднящее чувство вины. Ощущаю себя опустошённой не телом, а душой.

Мариус поднимается первый, быстро натягивая штаны, а потом идёт к кубку, осушая его залпом, а я в это время поправляю сорочку.

Он не смотрит на меня, когда поднимается, когда находит одежду, когда приводит себя в порядок с той же сосредоточенностью, с какой командует войском. Будто ничего не произошло. Будто мы не пересекли границу, за которой уже невозможно остаться прежними.

- Сегодня ты останешься здесь, - наконец, нарушает тишину.

- Я не желаю делить с тобой постель больше того, что мы уже сделали.

- Кто сказал тебе, Анника, что я намерен спать рядом? – поднимает брови в вопросе. – Ты настолько враждебна, что я могу не проснуться этим утром, да и расслабиться рядом с тобой не выйдет. Я лишь хотел, чтобы после нашей близости ты не разгуливала по длинным коридорам. Слышал, что женщина должна оставаться в покое сколько это возможно. Доброго сна, я позову служанку, вдруг тебе что понадобится.

За моей спиной тихо закрывается дверь, а я остаюсь одна с тишиной, с телом, которому больше нельзя доверять, и с будущим, которое уже начало делать первые, невидимые шаги.

Тяжесть под рёбрами и странная, пугающая мысль:

если во мне сейчас зарождается новая жизнь, она была зачата не в любви и не в ненависти, а в усталости. И это пугает сильнее всего.

Через пару минут приходит старая служанка. Она укладывает меня так, чтобы ноги были чуть выше остального тела, убеждая, что это поможет в нашем деле. А потом исчезает, а я остаюсь в постели врага.

Просыпаюсь с ощущением лёгкой дезориентации, будто ночь была слишком короткой, а сон - неглубоким. Несколько мгновений просто лежу, глядя в потолок, собирая себя по частям. В комнате тихо, шторы плотно задвинуты, и я даже не представляю, который час.

Натягиваю халат и выхожу в коридор. Дом уже живёт своей утренней жизнью: где-то звякает посуда, слышны приглушённые шаги, голоса. Всё привычно и одновременно чуждо.

Ко мне торопятся две приставленные служанки, в руках которых платье и туфли. Помогают мне облачиться, и вот спускаюсь в столовую, когда меня оповещают.

- Эрдана, - одна из девушек делает лёгкий поклон. - Генерал уехал рано, но прислал полчаса назад для вас послание.

- Для меня? – переспрашиваю, потому что это странно. Ожидаю каких-то указаний, приказов и требований, но меня зовут к столу, на котором стоит небольшая коробка: тёмное дерево, гладкая поверхность без гербов и вычурности. Рядом - сложенная записка.

Сердце отчего-то сбивается с ритма, словно в коробке могу обнаружить палец одного из своих братьев. Я воспринимаю Мариуса как злодея, хотя порой он мне таковым и не кажется. Только кто я такая, чтобы судить? Но не стоит забывать, что он лишил меня Анхеля и отца!

Подхожу ближе, беру записку. Почерк узнаваем сразу, хоть я видела лишь роспись пару дней назад. Слова выглядят строго, уверенно, будто каждая буква знает своё место.

«Надеюсь, тебе понравится подарок.

Твой муж, М.»

Всего две строки.

Твой муж?

Моргаю, чтобы убрать пелену с глаз. Да, конечно, мы муж и жена, но я не ожидала, что здесь, где не следует притворяться, он будет писать подобные вещи.

Твой муж...

Эти слова отзываются внутри странным, противоречивым эхом. Он пытается ухаживать за мной? Или это часть всё того же договора, только в другой обёртке? Может, его кто-то заставил?

Открываю коробку, внутри - серьги.

Тёмно-зелёный металл, глубокий, насыщенный, будто в него влили тень леса после дождя. Не блестящий - матовый, с мягким, благородным отливом, который проявляется лишь при движении. Удлиненная форма обычно вытягивает линию шеи, делает её тоньше, изящнее, словно украшение изначально задумывали не как аксессуар, а как продолжение тела.

В центре каждой драконит - минерал, который распространён только на территории Акриона. Я знаю о нём, отец дарил мне однажды подвеску с таким. Камень живой, переменчивый, не терпящий статичности. Сейчас он кажется глубокого изумрудного оттенка, но я знаю: стоит мне сменить платье - и зелёный дрогнет, потемнеет или вспыхнет иным тоном, подстраиваясь под ткань, под оттенок, под образ. Камень, что не имеет цвета, и имеет сотни цветов, зависящих от женщины.

Оправа удерживает его бережно, почти почтительно, оставляя пространство дышать. Никакой лишней резьбы, никакого показного богатства, только точный расчёт и знание вкуса. Такие серьги не кричат о себе. Они замечаются тогда, когда на женщину уже смотрят.

Я долго держу их в ладони, ощущая прохладу металла, и не могу понять истинной причины происходящего. Что Мариус хотел сказать этим?

- Это не всё, - добавляет служанка, и в этот момент в столовую входят две девушки, неся в руках большой красивый букет.

Белые и кремовые цветы, между ними веточки зелени и несколько тёмных бутонов, почти фиолетовых. Запах тонкий, ненавязчивый, словно утро после дождя.

Моргаю, непонимающе глядя то на букет, то на коробку. Что происходит? Мне это всё снится? Это последствия настойки Ивэльды?

- Генерал вернётся к ужину, эрдана. Он просил без него не начинать.

Она произносит это буднично, словно речь идёт о самом обычном дне. А у меня ощущение, будто я уснула в одном доме, полном холодных углов и неприязни, шепчущихся за спинами служанок и надменных генералов, а проснулась в другом: где меня ждут, где оставляют записки и цветы, где мужчина, которого я ненавижу, вдруг ведёт себя так, будто между нами возможно хорошее отношение.

Стою посреди столовой с серьгами в руках и смотрю на букет, не зная, радоваться мне или насторожиться. Потому что куда страшнее открытой вражды - непонятная забота.

Глава 27

Ближе к обеду дом наполняется странным, непривычным гулом. Не шумом - нет, скорее приглушённым напряжением, будто стены начали прислушиваться. Различаю шаги, сдержанные голоса, резкое шипение приказов, которые тут же тонут в тишине. Так говорят не с гостями. Так говорят, когда боятся быть услышанными.

Отправляюсь на поиски причины, сердце начинает биться быстрее, становится неудобно, словно за моей спиной что-то замышляют. Мимо проходят две молоденькие служанки, о чём-то перешёптываясь, слегка кланяются мне, а потом сбегают.

Голоса доносятся из малого зала: того, что выходит окнами в сад.

- Тебе не следовало здесь появляться, - шипит чей-то голос.

- Я должна увидеть Мариуса! – голос точно не принадлежит Юфине. Он мелодичный и звонкий.

- Если тебя кто-то увидит, ты знаешь, чем это может закончиться!

- Когда он вернётся?

- Обещался вечером. Разве ты не знаешь, что он теперь женат? Девочка с норовом! Вам нельзя встречаться.

Это они обо мне. Только кто же эта гостья, что там мечтает увидеться с моим мужем? Очередная любовница?

Дверь приоткрыта всего на ладонь. Я подхожу ближе и замираю, осторожно заглядывая в щель. И первое, что вижу, - волосы.

Длинные, почти до пояса, светлые, как расплавленное золото. Они струятся по спине витой мягкой волной, отражая свет так, будто каждая прядь знает своё место. Платье на девушке простое, светлое, без украшений, но сидит так, словно ткань подчиняется её телу, а не наоборот.

Она стоит вполоборота, и лишь когда слегка наклоняет голову, я замечаю на её лице золотую чешую.

Не грубая, не звериная. Тонкая, почти ювелирная, словно кто-то прикоснулся к коже кистью, обмакнутой в свет. Она тянется от виска к скуле, исчезает у линии волос, мерцает при каждом движении, как живая. Никогда подобного не видела прежде.

Меня окатывает холодом, когда догадка добирается до сознания. Ещё одна нагиня? Но когда она поворачивает плавно голову, понимаю, что ошибаюсь. Зрачки у неё человеческие. А глаза невероятного светло-голубого оттенка. Чистые, как зимнее небо над северными равнинами, и при этом такие глубокие, что кажется глядишь не в них, а сквозь них. И в этих глазах нет удивления.

Она смотрит прямо на меня, будто точно знает, что я здесь, хотя я не произвела ни звука.

Взгляд пронзает, и я отшатываюсь, задевая какую-то вазу, которая тут же падает, но, на моё счастье, не бьётся, будучи металлической.

Сразу же за этим слышно шуршание ткани, и когда скрываться не имеет никакого смысла, дёргаю дверь на себя.

Это мой дом, и я имею право знать, кто прибыл сюда.

Малый зал пуст. Ни девушки, ни служанки. Только закрытые окна, неподвижные шторы и солнечный свет, лежащий на полу ровным, спокойным пятном. Будто здесь никого и не было. Будто мне всё почудилось.

- Эрдана, - раздаётся голос за моей спиной. – Стол накрыт.

- Кто сегодня прибыл? – задаю вопрос, но служанка лишь пожимает плечами.

- Никто.

- Не лги мне.

Она смотрит в глаза и повторяет.

- Я не видела посетителей.

- Ладно, я поняла, - пытаюсь улыбнуться. Придётся опросить других.

Но это не даёт никаких результатов.

Выбираюсь на крыльцо, затем за ворота, в надежде увидеть экипаж, - пусто. Обхожу дом – никаких следов прибытия.

- Обед стынет, - напоминает служанка, и я отправляюсь за ней. Размещаюсь за столом, нехотя ем суп, когда оповещают, что прибыл мой брат.

- Лаорайн, - бросаюсь в его объятия, и он крепко прижимает меня к себе, целуя в висок.

- Надеюсь, тебя здесь никто не обижает?

В памяти сразу вспыхивают две девушки генерала, но я лишь качаю головой. Не стану об этом рассказывать.

- Прошу, пообедай со мной.

- С удовольствием.

Мы едим, переговариваясь, но вижу: что-то его томит.

- Что случилось, Лао? Ты другой. Что-то с мамой или Дайреном?

- Нет, - качает головой, но по лицу вижу, то раздумывает, как сказать.

- Они не хотели тебя тревожить, но я должен. Не хочу, чтобы ты узнала от кого-то другого, но знай, что об этом распространяться не стоит.

Он пересаживается ко мне, чтобы говорить на ухо.

- Разлом стал больше, вам нужно торопиться с Мариусом. Сегодня он почти добрался до захоронений, и мы решили перенести их в более надёжное место. Но...

Он замолкает и жуёт губы.

- Говори, Лао, говори, пожалуйста!

- Мы не собирались тревожить их покой, но что-то показалось Дайрену странным, и он открыл гроб отца.

Молчание повисает в воздухе. Секунда, еще одна, за ней другая.

- Лао!

- Их там нет, Анника. Тела исчезли.

Глава 28

Если бы я не знала своего брата, решила бы, что он шутит. Но Лао не любил шутить, с детства он был серьёзен.

- Как такое возможно? – наконец, нахожу в себе голос. – Это же не заколка или брошь. Это люди!

- Нам предстоит выяснить.

- Кто и зачем их забрал? – голова кругом.

- Краем уха я слышал о группе некромантов, которая объявилась в Акрионе.

Он ещё говорит что-то, а я вспоминаю вчерашний разговор Мариуса с незнакомцем. Генерал приказал спрятать «их», а ещё интересовался, не видел ли кто, как всё проходило. Неужели, Вальт настолько вероломен, что способен на подобные вещи?

Меня бросает в жар, и, не в силах усидеть на месте, поднимаюсь из-за стола. Я только хотела позволить себе стать к нему чуточку добрее.

- Прости, Анника, я не должен был..., - начинает Лао.

- Мы – семья, - перебиваю его. – Я всё ещё Торн, пусть и нахожусь здесь по договору. А потому обязана знать обо всём, что происходит на территории Готтарда.

- Пожалуй, мне пора. Нужно ещё успеть купить в лавках кое-какой товар и отправляться к семье.

- Да, я понимаю, - согласно киваю. В другой раз обязательно бы попросила брата задержаться ещё ненадолго, но теперь хочу побыть одна, чтобы подумать.

Мы прощаемся на крыльце, и я, кутаясь в шаль, машу ему вслед, а потом принимаюсь мерить коридоры шагами, не в силах остановиться. Мне необходимо задать вопросы генералу, чтобы увидеть, начнёт ли он юлить. И если начнёт...

Не знаю, что будет потом, но надо взять себя в руки, иначе с порога накинусь на него.

Когда за окнами начинают сгущаться сумерки, слышу шаги. Мариус возвращается.

Дверь распахивается, и он переступает порог так, будто это самый обычный вечер. В руках у него коробка: плотная, обтянутая светлой бумагой, перевязанная тёмной лентой. От неё тянется тёплый, аппетитный запах – мёд, орехи, пряности, что-то свежее, почти праздничное. Запах уюта, заботы, нормальности.

Он выглядит таким довольным и свежим, его улыбка приветливо расплывается на лице.

- Чудесно, что ты здесь, Анника, я принёс...

Это становится последней каплей.

- Нам нужно поговорить, - даже не здороваюсь, а шиплю сквозь зубы.

Он поднимает взгляд, явно удивлённый моим тоном.

- Что-то случилось?

- Сейчас! В вашем кабинете! Немедленно! – чеканю слова.

Его глаза сужаются до щёлки, а я не жду ответа и разворачиваюсь, рассчитывая, что он пойдёт следом. Не может не пойти, меня ведь за такой тон следует наказать.

Слышу, как он передаёт коробку служанке, а потом следует за мной, а у меня внутри всё трепещет. Сжимаю руки в кулаки, не затем, чтобы драться. Так нагнетаю в себе большую уверенность.

У кабинета останавливаюсь, пока от не открывает ключом дверь, толкая её внутрь, а потом ждёт, когда я шагну, и отрезает мне путь к отступлению, запирая нас внутри.

- Где они? – резко оборачиваюсь, чуть ли не выкрикивая два слова, чтобы быть первой.

- Кто, Анника? – смотрит на меня с неприкрытым разочарованием. – Ваши манеры? Тоже хотел бы узнать.

- Не делайте вид, что не понимаете! - голос срывается, но я не останавливаюсь. - Мой отец. Мой брат. Их гробы пусты, Мариус. Пусты!

Меня трясёт от ненависти и злости. Хочется наброситься с кулаками и бить в грудь, по лицу, чтобы он понимал, как я его ненавижу.

Он замирает всего на мгновение: слишком короткое, чтобы заметил кто-то другой. Но я вижу, что для него это не новость, и этого достаточно.

- Вы знали, - шумно выдыхаю, находя подтверждением своим опасениям в его поведении.

- Нет, - спокойно отзывается. – Откуда такие новости?

- Прекратите ломать комедию! Вам прекрасно известно, что ни Кольфина Торна, ни Анхеля Торна в месте захоронения нет!

- Если это не ваш кошмар, приснившийся после вчерашних событий, то...

В несколько шагов оказываюсь рядом с ним, хватая его за сюртук.

- Да признайтесь же, ненавистный вы генералишка, найдите в себе силы сказать, что это ваших рук дело!

Мариус перехватывает моё запястье, больно выгибая мне руку, а потом отталкивает от себя.

- Мне надоели подобные истерики, Анника. Я не потерплю такого отношения к себе в своём доме. Вы всего лишь женщина, которая должна лишь выносить дитя, и перестаньте совать нос в дела, которые вас не касаются.

- МЕНЯ? – ахаю, смотря на него зло. – Это моя семья, которую вы убили! А теперь смеете красть тела? Зачем они вам?

Кажется, обладание вовсе меня покинуло. Я была намерена говорить спокойно, пока не доберусь до истины, но теперь мои эмоции завели нас в конфликт.

- Ещё раз говорю: я не трогал их!

- О чём же тогда вы говорили с тем мужчиной?

- Это мои дела.

- Тогда поклянитесь мне на крови, Мариус, что не имеете отношения к исчезновению моих родных, - сбавляю обороты.

Он смотрит исподлобья и молчит.

- Мариус, пожалуйста, - в моём голосе уже мольба. Если это не он, пусть докажет, клятва ничего не будет ему стоить. Но вместо этого он говорит.

- Я не стану клясться, Анника. А теперь мы можем поужинать?

- Вместе с вашей любовницей? – вспоминаю о девушке.

- Чёрт знает что творится, - ругается он в сердцах. – Вы ополоумели от счастья, когда я подарил вам серьги?

- Отдайте их лучше той золотоволосой красавице, что прячется в доме.

Его взгляд недоумённый, так смотрят на умалишённых.

- Я видела её, Мариус.

- Кого? – стонет он, складывая руки на груди.

- Вашу очередную пассию или как вы её называете? Служанки спрятали её от меня, но она мечтала увидеть вас.

- Да, теперь я понял, - он хватается меня за локоть и тащит куда-то.

- Пустите!

- Обязательно, как только разберусь кое с чем.

Мы выходим из его кабинета, и генерал зовёт служанок.

- Свяжите эрдану покрепче.

- Что? – не верю своим ушам.

- И не развязывайте, пока я не вернусь!

Он передаёт меня служанкам, которые тут же крепко стискивают с обеих сторон и тащат по коридорам, и мне становится невероятно страшно.

Глава 29. Мариус Вальт

Это не девушка – это беда. Анника Торн – кость в горле: своенравная и дерзкая. Но я не могу так просто во всём признаться. А что я должен ей был сказать: «да, дорогая, это я выкопал ваших родственников, чтобы...»

- Да пустите же, - доносится до моих ушей позади. И хоть я не приверженец подобных действий, она не оставила мне выбора, потому что начала бы путаться под моими ногами. А, судя по её заявлению о девушке, здесь Лирра.

Следует быть осторожным, иначе все планы коту под хвост. Анника не оставила мне выбора, а я, идиот, старался быть галантным

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.